

Изумрудная скрижаль

Автор:

[Александр Руж](#)

Изумрудная скрижаль

Александр Руж

Анита Моррьентес #3Колоритный детектив

Середина XIX века. Отважные русские путешественники, супруги Анита и Алекс Максимовы, волей случая оказываются в древнем замке легендарного Влада Цепеша в очень странном обществе: карлик-горбун, синелицкий старик, женщина, с головы до ног покрытая волчьей шерстью, девушка, которая как огня боится воды... Кто они – гости последнего графа из рода Дракулешти или его узники и жертвы? Что им готовит хозяин замка – смерть или возрождение? Удастся ли Аните и Алексу покинуть замок и спастись от уготованной им участи?

Александр Руж

Изумрудная скрижаль

© Руж А., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Пролог

Засушливое в том году выдалось лето. С конца мая, когда сошли весенние воды, установился пекельный зной, и поджаривал он Трансильванию уже третий месяц. За все это время на землю пролилось два чахлых дождичка, которым не под силу было смочить растрескавшуюся почву – влага ушла сквозь щели на глубину, нимало не задержавшись. Всходы на огородах и полях безнадежно повяли, листья на яблонях и грушах обвисли и мотылялись на обжигающем ветру.

Изнывал и лес. Обезвоженная трава хрустко шуршала, ручьи и болота пересохли, зверье попряталось в дебри, подальше от солнечных лучей.

Двое крестьян шли через большую поляну, торопясь поскорее очутиться под спасительной сенью деревьев. Из одежды на обоих были только домотканые портки, голая кожа лоснилась от пота.

– По такой жаре одно хорошо – ни комаров нет, ни мошки, – сказал один из крестьян, проводя по губам распухшим языком. – Растелешись в свое удовольствие и ходи.

– По мне, лучше мошка, чем эдакая парилка, – отозвался второй.

Вокруг пояса у него была обмотана конопляная веревка, какой обычно перевязывают охапки хвороста. Но крестьяне пришли в лес не за топливом. У одного через плечо был перекинут сыромятный ремень, на котором висел допотопный фитильный мушкет, а второй держал в руке обрез – старую драгунскую фузею со спиленным стволом.

– Никого мы тут не сыщем, Мирча, – вздохнул тот, что был с мушкетом. – Всякая тварь нынче в холодок тянется. Это в чащобу надо лезть, а уж вечер скоро, да и воды у нас с гулькин нос.

Он вынул из широченного кармана портков деревянную флягу, взболтнул, и она отозвалась жалким плеском.

Дошли до края поляны и в изнеможении опустились на жухлый пырей, привалившись спинами к стволу дуба-великана. Мирча взял из рук спутника флягу, глотнул.

– Ничего, Никола, – молвил ободряюще. – Без добычи не вернемся. Я кабаньих след видел.

– Где?

Мирча махнул рукой на запад:

– Вон туда он побег. По копытам судя, здоровенный! Такого завалим – на целый месяц пропитание будет.

Никола сощурился на катившееся к закату солнце, которое вот-вот должно было коснуться видневшихся на горизонте Карпатских вершин.

– Там речка, водопой, – вел дальше Мирча. – Она с гор течет, чай, не пересохла. Возле нее и зверье обретается. Настреляем вдоволь, заодно водицей на обратную дорогу запасемся.

Никола боязливо поджал плечи.

– Не пойду я туда. Тем более на ночь глядя... Там стригой живет. Тот, что из честных христиан кровь выпивает...

Мирча расхохотался.

– Бабьих сказок наслушался? Нет никакого стригоя. Графский замок стоял, да и тот, баят, развалился...

– А вот и нет! И замок целехонький, и хозяин его объявился. Я сам видел. Черный, как смерть. Лица нет, лоб белый, зенки пламенем полыхают... Как есть чертов прислужник!

– Слышал я про него. Говорят, наследник Депешей... из дальних краев прикатил на семейное гнездышко глянуть. Побудет малость и уедет. Что ему у нас делать? А про пламень и все прочее – не верю. Старухи с перепугу напридумывали.

Уверенная речь приятеля слегка успокоила Николу. Но идти к «замку стригоя» он все ж таки побаивался.

– А ежели он нас увидит? Осерчает... Как-никак в его лесах животину бьем.

– К замку мы не пойдем, это далеко. Я и не знаю, где он. Дед мой знал, да не рассказывал. А в случае чего ружьишки в кусты покидаем, скажем, что за валежником пришли, заплутали...

Мирча пружинисто поднялся, подхватил свой обрез, флягу вернул товарищу.

– Вставай! А то и впрямь солнце зайдет.

Он углубился в заросли, Никола, кряхтя, последовал за ним. Предупредил:

– Осторожнее... Тут Мавкина елань поблизу. В ней столько народу по дурости перетопло. Раз ступишь, и уже не отпустит.

Мирча, не оглядываясь, отмахнулся.

– Усохла твоя елань! По ней теперь, как по большаку, ходить можно.

И точно – шли по гибельным местам, а под ногами не чавкало, только чуть проседал рыхлый ссохшийся торф, прошитый корнями болотных растений.

Лес становился все гуще, кроны переплетались, заслоняя небо. Но воздух был настолько раскален, что и этот шелестящий купол не давал прохлады. Изнуренный усталостью и жарой, Никола жалел уже, что поддался на уговоры напарника. Хотел окликнуть его, ушедшего шагов на десять вперед, но тот вдруг и сам остановился как вкопанный. Поднял раскрытую ладонь в упреждающем жесте. Никола подошел к нему и встал рядом, потянул с плеча мушкет.

– Кто там? – спросил еле слышно. – Люди?

– Нет. Косолапый!

Поодаль, где стелилась бурая гладь пересохшей топи, ворочался большущий зверь с косматой шерстью. Что-то вынюхивал, совал переднюю лапу в торф.

- Вот и добыча! - шепнул Мирча с азартом. - Заходи справа, а я слева...

Они стали подкрадываться к медведю, но тот учуял их, беспокойно вскинул круглую, как котел, голову, завертел ею, зарычал.

- Пали! - крикнул Мирча и первым выстрелил из своего обреза.

Пуля оторвала медведю кончик уха. Владыка леса неистово взревел и попятился. Никола возился со своим мушкетом, высекал искру. Пока высек, пока приладился - медведь успел развернуться и дать деру. Грянувший с опозданием выстрел подстегнул его. Мирча, бранясь, перезарядил свой обрез, бахнул еще раз, но пуля до цели не долетела - медведь был уже далеко, а скоро его и след простыл.

- Ах ты ж, кикимора тебя задери! - Никола от души шмякнул мушкет оземь. - Какая охота с таким ружьем? Палку взять, и то надежнее будет.

Мирча к неудачам относился проще.

- Ушел и ушел, его счастье. А чего это он там копошился? Ну-ка...

Они подошли к тому месту, где минуту назад возился топтыгин, и увидели торчащую из земли человеческую руку.

- Свят-свят-свят! - побледнел Никола. - Это кто же?..

Рука была темная, будто вываляна в саже, пальцы скрючены. Мирча принялся подкапывать сыпучий торф прикладом обреза.

- Пойдем отсюда, а? - предложил Никола дрожащим голосом. - Не к добру этот мертвяк...

- Чего испугался? Сам же говорил: в этой елани, пока она с водой была, столько народу потонуло... Поглядим, вдруг при нем что ценное найдется. Тогда и за

кабаном идти незачем.

Довод подействовал, и Никола, преодолев оторопь, решился помочь спутнику. Вдвоем они выкопали вокруг мертвеца яму, выбрали из нее лишний грунт. Теперь утопленника можно было рассмотреть во всех подробностях. Был он совсем наг, ни единой тряпицы на теле, но самым диковинным оказалось не это. Жесткие курчавые волосы, вывороченные губы, приплюснутый нос, глянцевая чернота кожи...

- Мурин! - воскликнул Никола. - Такие в Африке живут...

- Это какая нечистая его в наши болота занесла? Не по грибы же за тридевять земель пустился. И где его одежда? Даже исподнего нету.

- Ограбили, - предположил Никола и пугливо заозирался. - Слыхал? В соседнем жудеце разбойные люди объявились. В двух деревнях скот угнали, пастуху голову отрезали, а еще один хутор сожгли начисто. А тут негус богатый... в одиночку странствует. Напали, разделы, пожитки отобрали, а самого - в болото.

- До соседнего жудеца двое суток ходу. Не стали бы они к нам соваться, у нас в деревнях одни нищие. Да и этот, - Мирча кивнул на труп, который лежал в яме, вытянув вверх заоченелую руку, - на богатого не похож. Гляди, тощий какой, кожа да кости.

Никола встал возле ямы на колени, вперился в покойника. Последний и вправду был невообразимо худ: ввалившиеся щеки, выпирающие ребра.

- Мирча... - голос Николы сделался сиплым, - а ведь ты верно подметил: кожа да кости... Выпили его!

- Как это выпили? Что ты мелешь, дурень?

- Ты слепой? У него жилы отворены и крови нет. Стригой всю до капли высосал! Говорил я тебе, не надо сюда ходить...

Мирча с сомнением пригляделся к маленьким продолговатым ранкам на локтевых сгибах мертвеца.

- Не зубами это.

- А тебе откуда знать, какие у стригоя зубы? Он тебя хоть раз кусал?

- Типун тебе! - Мирча, которого тоже начал пробирать страх, сунул под нос товарищу заскорузлый кулак. - Пособи-ка лучше. На пузо его перевернем.

- Для чего?

- А ну как под ним что-нибудь есть?

- Что под ним может быть? Клад?

- Не знаю. Помоги!

- И не подумаю! Коли приспичило, сам его и тягай.

Здоровяк Мирча нагнулся над ямой и, поднатужившись, перевернул твердое, будто из гипса, тело со спины сначала на бок, а потом на живот. Клада не обнаружилось, зато под коленями трупа Мирча увидел такие же точно ранки, как и на руках.

- Чудно?, - констатировал он и поводит по сторонам дулом обреза, опасаясь, что за кустами, примыкающими к болоту, затаились опасные противники. - Кто таков этот мурин? Кто его убил? Как? За что?

- Не нашего ума дело, - сказал Никола, встал и отряхнул портки от налипшей торфяной крошки. - Мыслью я, надо поскорее отсель убираться.

Мирча на этот раз не возражал. Расхотелось ему идти к реке и выслеживать кабана.

- Лешак с ней, с охотой, пошли домой. А то и правда не ровен час...

Они наспех засыпали обескровленного негуса торфом, взяли на изготовку свое оружие и тихо-тихо, прислушиваясь к каждому звуку, покинули нехорошее

место.

Глава первая. Сердце Трансильвании

Явление черного человека. – Молчаливый горбун. – Анита при смерти. – Честь Вероники подвергается опасности. – Слуга, которому позволено многое. – Максимов требует сатисфакции. – Двенадцать золотых игл. – Граф Ингерас. – Успеть за полчаса. – Когда враг становится союзником. – Проблеск надежды. – Поездка по пересеченной местности. – Замок в прикарпатском лесу. – Происшествие у колодца. – Пришелец с Луны. – Странная кухарка. – Редкий случай, когда Максимов испытывает страх.

Стояла поздняя промозглая осень. Темные тучи, плотные, как юфть, заволакивали небо. Малоприметная деревенька, расположенная на расстоянии полутора конных перегонов от города Шессбурга, часто именовавшегося поздешнему Сигишоарой, утопала в грязи. Дождь лил непрерывно уже двое суток и превратил дорогу, связывающую деревню с городом, в перепрелую вязкую кашу.

По этой-то каше медленно и тяжело двигалась абсолютно черная, без малейшего светлого пятна и без единого опознавательного знака, карета. Две такие же черные лошади, могучие, с мохнатыми ногами, натужно волокли ее по вязкому месиву. Колеса зарывались в топкую глину почти целиком, и если б появился откуда-нибудь сторонний наблюдатель, которому вздумалось столбенеть на обочине меж нахохленных буков и можжевельных кустов, ему могло бы показаться, что карета не едет, а плывет, скользя днищем по мутной зыби.

На козлах притулился человек ростом не выше четырех с половиной футов, словно бы вырубленный мастером-неумехой из корявого узловатого комля. Непомерных размеров квадратная голова сидела прямо на плечах, без видимых признаков шеи. Грубо очерченные плечи переходили в длинные и, надо полагать, налитые немалой силой руки, сжимавшие вожжи. В дополнение ко всему человек имел горб, превращавший и без того уродливую фигуру в бесформенный ком плоти. Возница по-звериному скалил воскового цвета зубы и издавал резкие носовые звуки – что-то вроде «ум-м! ум-м!». На лошадей они

производили такое впечатление, что эти с виду бесстрастные животные всякий раз вздрагивали, как от удара бичом.

Въехав в деревню, карета с чавканьем доползла до покосившегося трактира, и здесь горбатый возница натянул поводья. Лошади послушно стали. Горбун с живостью, которая никак не гармонировала с его несуразным телосложением, соскочил на землю, подошел к карете сбоку и распахнул дверцу. Из недр черного куба явился высокий и худой, точно оглобля, субъект. Он также был облачен во все черное: черный плащ с полами ниже колен, черные брюки, черные ботинки, черные перчатки и черный цилиндр на голове. Единственным, что контрастировало с этой густой чернотой, было его лицо – неестественно белое, какое бывает у паяцев, обильно пользующихся пудрой. Впрочем, черный незнакомец, едва сойдя с подножки, поспешил прикрыть нижнюю часть своей физиономии толстым шерстяным шарфом. На виду остались только длинный, по-ястребиному загнутый нос и глаза – острые, пронизывающие, с желтизной.

Не обменявшись ни словом, приезжие вошли в трактир. К ним тут же подскочил хозяин – вертлявый бородач с воровским прищуром.

– Чего желаете, ваша ми... – начал он по-валашски и осекся, глядя на черного незнакомца.

– Лучшую комнату, – отрывисто произнес посетитель на том же наречии, не отнимая шарфа от бледных щек.

Хозяин замялся:

– Лучшая занята...

– Занята? Кем?

– Какие-то русские. Трое... Господин с госпожой и служанка. Если ваша милость изволит, в деревне можно снять дом. Я знаю надежного человека, у него чисто... он и возьмет недорого.

– Что ты врешь! – сердито прервал его черный человек. – Я знаю вашу дыру, здесь негде остановиться, кроме твоего трактира. Почему бы этим русским не

уступить мне? Я заплачу вдвое.

– Никак невозможно, ваша милость, – забормотал хозяин. – Я бы и сам хотел, чтобы они убрались отсюда, но...

– Но что?

– У госпожи холера, наш лекарь сказал, что она и двух дней не протянет.

– Тем более. Зачем ей комната? Она наверняка без сознания, ей все равно, где умирать.

– Я тоже так думаю, ваша милость, но ее муж... Он пригрозил, что застрелит любого, кто сунется к ним.

По всему было ясно, что хозяин знает визитера, боится его и предпочел бы соседство с холерной больной, чем с этим белолицым черноризцем.

Горбатый кучер стоял на полшага позади своего спутника, безмолвствовал, однако смотрел на владельца трактира с такой испепеляющей ненавистью, будто перед ним был смертельный враг. Затянувшиеся препирательства горбуну явно не нравились.

– Так что, ваша милость, у меня вам будет опасно, – продолжал частить трактирщик. – Заразитесь, а то и под пулю попасть можно... Езжайте подброду, мой вам совет.

– Мне не нужны твои советы! – отрезал черный, кратко переглянувшись с горбуном. – Мы останемся. На улице потоп – не проехать. Вели распрячь лошадей и поставить их в конюшню. А нам подай ужин, да поживее!

И оба приезжих сели за дощатый стол, над которым висела масляная лампа.

– Слушаю, ваша милость, – упавшим голосом молвил трактирщик и отправился выполнять отданные ему распоряжения.

Покуда длился приведенный выше диалог, в трактирном флигельке умирала та самая госпожа, о которой только что поведал хозяин этого заведения. Холера настигла ее внезапно и свалила в дороге, когда супружеская чета возвращалась из заграничного путешествия в пределы Российской империи. Муж больной – военный инженер Алексей Максимов, с некоторых пор пребывавший в отставке, – сидел подле кровати и вглядывался в лицо своей несчастной Аниты. Ее некогда смуглая кожа побелела и могла теперь соперничать цветом с кожей странного приезжего, что толковал внизу с хозяином. Максимов слышал, как подкатила к дому карета, но к окну подходить не стал. Подошла любопытная Вероника – служанка. Она видела вышедших из кареты людей, обратила внимание и на горб кучера, и на лицо незнакомца, которое сквозь заляпанное оконное стекло представилось ей не более чем белым пятном. Но Максиму было все равно, кто и зачем приехал. Он думал только об Аните, и мысли его были безотрадны.

Она уже трое суток ничего не ела, а со вчера не приходила в чувство. Дышала хрипло и с такой надсадой, что казалось, на груди ее лежит неподъемная каменная глыба. Максимов отчаянно цеплялся за надежду, однако разум настойчиво подсказывал ему, что дни его милой Аниты сочтены. Это было чудовищно, глупо, несправедливо... но он ничего не мог поделать.

– Поели б сами чего-нибудь, Лексей Петрович, – жалостливо проговорила Вероника, отойдя от окна. – Исхудали-то вон как...

– Не хочу, – отозвался Максимов. – Сходи лучше вниз, спроси бутылку вина. В горле пересохло.

Вероника скорбно покачала головой и, тихо ступая, вышла из комнаты. Повисла гробовая тишина, нарушаемая лишь прерывистым дыханием умирающей. Максимов обхватил руками голову, его душили рыдания. При служанке он еще старался сдерживаться, но сейчас горе рвалось наружу, и он готов был расплакаться, как малолетний ребенок.

Неожиданно из-за двери донесся сдавленный женский крик. Максимов вскинул голову, инстинктивно схватил со столика заряженный револьвер «Кольт Патерсон», который после стычки с хозяином трактира всегда держал под рукой.

Крик повторился, уже более звонко. Сомнений не оставалось: кричала Вероника.

Максимов с револьвером в руке выметнулся из комнаты. Сразу же увидел на лестнице, ведущей вниз, в зальчик, где стояли столы для трапезы, Веронику, а возле нее – отвратительного на вид горбуна с огромной головой и длинными руками. Этими руками он обвивал Веронику поперек туловища и прижимал к себе с такой силой, что у бедняжки, наверное, трещали ребра. Вероника редела благим матом и колошматила охальника кулачками по сплюснутой макушке, но тот только жмурился от удовольствия, как сытый кот.

Максимов, не раздумывая, подскочил к ним и хватил мерзавца рукояткой револьвера по башке. Горбун разжал руки, отпустил Веронику, но не упал. Максимова это изумило, ибо удар был такой силы, что оглушил бы кого угодно. Вероника, не прекращая голосить, нырнула за спину своего заступника. Горбун смерил его оценивающим взглядом.

Неизвестно, чем завершилось бы это противостояние, если бы на лестнице не показался черный незнакомец. Он поднялся на несколько скрипучих ступенек и положил горбуну руку на плечо.

– Pardon, monsieur, – произнес он на безупречном французском, обращаясь к Максиму. – Что здесь произошло?

Максимов зло качнул стволом «Патерсона» в сторону горбуна:

– Это ваш слуга?

– Да. Его зовут Йонуц. А в чем дело?

Голос у черного человека был совершенно бесстрастный.

– Он напал на мою горничную.

– Подол задирал! – пожаловалась Вероника по-русски, догадавшись, о чем идет речь. – В пазуху лез, окаянный... А потом ухватил вот эдак и давай в меня губищами тыкаться... тьфу!

– Ступай к барыне, – велел ей Максимов.

Вероника удалилась немедленно. Общество несостоявшегося насильника пугало ее.

Максимов ожидал, что черный человек отчитает своего лакея, а то и врежет ему хорошенько по уху, но ничего подобного не случилось. Черный похлопал горбуна по плечу, прошептал ему несколько слов, которые Максимов не разобрал, и тот преспокойно затопал вниз.

Внутри у Максимова все вскипело от гнева.

– И вы не собираетесь его наказать? – процедил он.

– Ни в коем случае, – последовал хладнокровный ответ. – Ионуц – преданный слуга, и я слишком дорожу им, чтобы оскорблять без повода.

– Без повода?!

– Я уверен, что у него не было дурных намерений. Позаигрывал немного с вашей служанкой – что тут такого?

– Вот что, милостивый государь, – прошипел Максимов, будучи не в силах сносить этот издевательски-равнодушный тон, – если вы не желаете, чтобы ответил ваш слуга, ответите сами!

– Вы серьезно? – спросил бледнолицый, ничуть не испугавшись. – Тогда пожалуйста за мной.

Он смело повернулся спиной к револьверу и, сойдя с лестницы, приблизился к столу, на котором уже стояли тарелки с наваристой чорбой и фаршированными баклажанами и откупоренная бутылка фетяски.

Максимову ничего не оставалось, как последовать за ним. Револьвер он убрал, решив для начала по-джентльменски выслушать своего противника.

В трапезной не было больше никого: горбатый исчез, а трактирщик, который должен был услышать шум потасовки, счел, очевидно, за благо ни во что не вмешиваться.

– Итак, вы твердо намерены расквитаться со мной за проступок моего слуги? – спросил черный, садясь за стол. – И вы уверены, что вам удастся это сделать?

– Полагаю, у меня есть некоторый опыт, – ледяным голосом ответил Максимум и сел напротив.

– Быть может, прежде мы устроим небольшое испытание? Оценим, так сказать, возможности друг друга.

Неспешно ведя беседу, словно она касалась отвлеченных и незначительных тем, незнакомец буравил русского своими узкими зрачками. Нижняя часть его лица все так же оставалась прикрытой шарфом. Максимова это откровенно бесило.

– Послушайте... Как ваше имя? Прежде чем вас убить, я должен это узнать. И откройте наконец лицо!

– Лица я не открою, – выдохнул черный человек сквозь вязаную ткань шарфа, – а имя мое... – Тут он сделал паузу. – Можете называть меня графом Ингерасом. И заметьте, что ваше шля меня несколько не интересует.

Максимум был уязвлен новой уничижительной отповедью и тем не менее счел нужным представиться, дабы соблюсти правила этикета. Ингерас, или кто бы он там ни был, извлек из кармана своего плаща маленькую плоскую коробочку полированного дерева, поставил ее на стол и откинул крышку. На дне коробочки, в бархатных желобках, лежали двенадцать золотых игл.

– Набор для иглоукалывания? – удивился Максимум. – Вы, стало быть, врач?

– В некоторой степени, – уклонился Ингерас от прямого ответа и, вынув из коробочки две иглы, положил их на стол. – Вот вам оружие, сударь. Посмотрим, насколько ловко вы с ним управитесь.

– Вы смеетесь?

– Я берусь доказать, что вы не в состоянии пристрелить меня, поскольку в таком деле важна быстрота реакции. Я увернусь от вашей пули, даже если вы будете стрелять в упор.

– А вы самонадеянны! – хмыкнул Максимов. – Я занимался боксом, так что реакция у меня отменная.

– Тогда посрамите меня! – Граф сдвинул на край стола тарелки и бутылку и положил две золотых иглы между собой и противником. – Как только этот сосуд упадет на пол, хватайте иглу, что лежит ближе к вам, и втыкайте ее мне в руку. У меня будет точно такой же шанс.

Тут Максимов заметил, что небрежное движение графа, каким он убрал мешавшие предметы, имело на самом деле точный расчет. Бутылка с белой фетяской стояла на самом краю столешницы и подрагивала, готовая вот-вот рухнуть.

– Идет! – сказал Максимов и шлепнул левую руку ладонью на стол. – Кто быстрее!

Ингерас сделал то же самое. Стол чуть шатнулся, и бутылка свалилась с него. Раздался треск бьющегося стекла, Максимов правой рукой уцепил предназначенное ему орудие (это оказалось не так просто сделать, так как игла была чрезвычайно тонкой), но тотчас ощутил боль в левом запястье. Это граф неуловимым движением схватил свою иглу и нанес точный удар.

– Черт! – пробормотал Максимов, уставясь на каплю крови, выступившую из прокола. – Как вам это удалось? Да еще в перчатках...

– Я вас убедил? – Граф аккуратно уложил иглы обратно в коробочку, захлопнул крышку и вынул из кармана увесистый хронометр, судя по маркировке, изготовленный в Женеве. – А теперь у нас есть примерно полчаса на то, чтобы поговорить.

– Почему полчаса?

– Потому, дорогой вы мой, что эти иглы обработаны составом, выделенным мною из семян рвотного ореха. Это такое тропическое дерево, оно растет в Южной Азии... Чрезвычайно токсично.

Вы меня отравили? – спросил Максимов.

Еще несколько дней назад он бы вцепился этому демону в глотку, припечатал белой физиономией об стол... словом, проявил бы вполне естественные в данном случае эмоции, но сейчас, зная, что отрада всей его жизни – его любимая Нелли – уже практически потеряна, он обрадовался перспективе умереть от чужой руки. Никакого греха, еще и в мученики запишут.

– Да, я вас отравил, – признался коварный граф без тени раскаяния. – И если вам есть что рассказать перед смертью – расскажите.

Меньше всего Максиму хотелось откровенничать перед таким вот исповедником, но выбора не было.

– Хорошо, – произнес он. – Вы меня перехитрили, но это не имеет значения. Хотите напоследок послушать мою печальную историю – слушайте...

Анита металась на продавленной, мокрой от пота подушке. Лоб горел, из полуоткрытого рта с обметанными лихорадкой сухими губами вырывались неразборчивые звуки. Сердобольная Вероника пускала слезу и поминутно меняла влажные тряпки на голове своей госпожи.

– Что ж это такое, Анна Сергевна! – причитала она. – Всегда здоровенькие были, а тут... Бедный Лексей Петрович!

Вдруг Анита, будто вытолкнутая кем-то из липкого морочного забытья, вскинулась, приподнялась на кровати, открыла глаза и обвела комнату воспаленным взором.

– Где он? – прошептала она почти без голоса. – Где Алекс?

– Они туточки! – подскочила Вероника, обрадованная тем, что барыня пришла в себя. – Внизу... Я сейчас кликну!

Она ринулась к двери, но та распахнулась ей навстречу, и в комнату вошел Алекс. За ним на длинных, как у аиста, ногах вышагивал некто незнакомый. Анита едва ли успела как следует разглядеть вошедших – глаза ее закатились, она упала на постель и вновь погрузилась в забытие. Вероника замерла возле кровати. Она смотрела не на барыню и не на барина, а на страшного человека, которого тот привел с собой. Граф был похож на мумию, закутанную в черный саван.

– Вот она, – тихо сказал Максимов, указывая на Аниту. И добавил еще тише, чтобы не расслышала служанка: – Если вы отбираете мою жизнь, то, быть может, взамен спасете другую?

– Чтобы не нарушать равновесия? – усмехнулся граф, подошел к больной, всмотрелся в ее лицо, пощупал исхудавшую руку, приподнял веко. – Да... положение серьезное.

– Спасения нет?

– Я так не сказал. Прикажите своей горничной принести мой саквояж. Он в карете.

Максимов передал просьбу графа Веронике. Та замахала руками:

– Не пойду! Там этот идол поганый, а ну как опять привяжется? Боюсь я его, Лексей Петрович!

– Он тебя не тронет, – пообещал Максимов и сунул ей в руку «Патерсон». – Если что – стреляй прямо в сердце.

Вероника опасливо взяла револьвер, сунула под юбки и вышла. Глаза графа, наблюдавшего эту сцену, смеялись.

Пока Вероника отсутствовала, он еще раз осмотрел Аниту, на этот раз подробнее. Максиму было неприятно видеть, как паучьи лапы Ингераса, с

которых тот так и не снял перчаток, прикасаются к телу Нелли. Но он промолчал.

– Ваша жена – нерусская? – спросил граф. – У нее черты лица, характерные для западноевропейских или латиноамериканских народов.

– Она испанка. Это важно?

– Я пришел к выводу, что у представителей разных наций одни и те же болезни могут протекать по-разному. Так что любая деталь может нам пригодиться...

Когда Вероника принесла саквояж, граф вынул оттуда острый как бритва ланцет, полюбовался его лезвием и снова наклонился над бесчувственной Анитой. Максимов схватил его за локоть:

– Кровопускание? Вы же видите: она и так потеряла много сил... Это убьет ее немедленно!

– Кто говорит о кровопускании? – проворчал граф. – Я хочу исследовать ее кровь и выяснить, насколько запущена болезнь. Вон то блюдце чистое? Возьмите его.

Ингерас говорил уверенно, со знанием дела, и Максимов повиновался, хоть и не слышал никогда ни о каких исследованиях крови. Граф приподнял одеяло, которым была укрыта больная, высвободил ее правую ногу. Некоторое время разминал подошву, затем осторожно оттянул в сторону большой палец на ступне.

Максимов смотрел на лекаря с надеждой, Вероника – с ужасом, как на колдуна, совершающего что-то богопротивное.

– Подставляйте блюдце, – скомандовал граф. – У вас в России для этого прокалывают безымянный палец, но я придерживаюсь французской методики. В ногах давление крови выше, несколько капель мы наберем, а больше пока и не надо.

Максимов поднес посудину к кровати, Ингерас сделал крошечный надрез между пальцев Аниты, и в блюдце закапала темная жидкость. Когда набралась лужица

объемом с наперсток, граф зажал ранку пальцем в перчатке, немного подержал, бережно опустил ступню на простыню и прикрыл одеялом. Анита во время этой процедуры не очнулась – она не ощущала боли.

– Вы слышали что-нибудь о работах Мальпиги? – поинтересовался граф, доставая из саквояжа микроскоп и прикручивая его к столу.

Нет, – честно ответил Максимов.

– А понятие «кровяные шарики», введенное Левенгуком, вам знакомо?

– Нет.

– Может, вам, по крайней мере, доводилось слышать о лейкоцитах, открытых Хьюсоном?

– Не доводилось.

– Я мог бы прочесть вам лекцию об анализе крови... кстати, мне посчастливилось внести в этот процесс свою скромную лепту, усовершенствовать его... но не стану утомлять вас научными терминами.

Господин Ингерас отрегулировал микроскоп и задвинул под тубус блюдце с кровью Аниты. Приник глазом к окуляру, на несколько минут застыл – будто слился с прибором воедино. Максимов не дышал, Вероника тоже прочувствовала ответственность момента, глядела на графа уже не со страхом и отвращением, а как-то по-новому – как на волшебника, могущего сотворить чудо. Пусть даже этот волшебник практикует черную магию – главное, чтобы помогло.

Максимов мог видеть лишь глаза графа над шерстяной перевязью, и выражение этих глаз ему не нравилось. Они сделались удивленными, потом хищными, а под конец в них вообще промелькнуло нечто плотоядное.

– Что там? – не вытерпел Максимов. – Говорите же!

Граф перестал замечать окружающих. Увлеченный своим делом, он манипулировал на манер фокусника. Вот в его руках возникло откуда-то

маленькое стеклышко, вот появилась трубочка, из которой он выдавил в кровь на блюдце немного пасты охристого цвета. Деревянной лопаточкой намазал получившуюся смесь на стеклышко, положил под микроскоп. Долго настраивал окуляр, рассматривал. Не удовлетвоваввшись проделанным, накапал в блюдце еще какого-то снадобья из темного флакона, вновь погрузился в разглядывание.

Наконец оторвался от окуляра и помассировал глаз кончиками пальцев.

– Могу вас обрадовать, – промолвил он удовлетворенно. – Я берусь за лечение вашей супруги. Но, как вы понимаете, ничего обещать не могу.

– Плевать мне на ваши обещания! Сделайте что-нибудь!

Граф неторопливо убрал в саквояж микроскоп и ланцет. Содержимое блюдца с тщательностью перелил в пробирку, закупорил пробкой и упрятал туда же. «Зачем это ему?» – подумал Максимов, но вслух ничего не сказал.

– Имейте в виду: лечить я ее буду своими методами, – безапелляционно объявил Ингерас. – Они отличаются от методов традиционной медицины, и современные доктора их вряд ли одобряют.

– К дьяволу современных докторов! – выпалил Максимов. – Если вы ее спасете, значит, ваши методы – самые правильные.

Граф подошел к окну и выглянул во двор. Снаружи уже смеркалось. Дождь прекратился, но свинцовые тучи не расходились.

– Задерживаться здесь нельзя. У вас есть экипаж? Нет? Ничего, доберемся на моем. Необходимо снести пациентку вниз и уложить в карету. Сейчас я позову Йонуца.

– Не надо! – поспешно возразил Максимов. – Я сам.

– Как хотите. Тогда жду вас внизу.

Граф двинулся к выходу, но Максимов остановил его:

- Ваше сиятельство...

- Что еще?

- Сколько времени на ваших часах?

Ингерас извлек свой хронометр, взглянул на стрелки.

- Четверть шестого. До моего замка – около двух часов езды, по скверной дороге будет дольше, но к ночи доберемся.

- Я не об этом. Судя по вашим часам, я уже десять минут как должен быть мертв.

Глаза Вероники полезли на лоб – она понятия не имела о состоявшейся в трапезном зале необычной дуэли. Человек в черном спрятал хронометр и проронил:

- Вы не умрете. Иглы совершенно безвредны, никакого яда в них не было. Я вас обманул.

- Для чего?!

- Я изучаю людей. Сказать человеку, что ему осталось жить полчаса, – мой любимый прием. Забавно наблюдать, как ведут себя те, кто это слышит... Девять человек из десяти бьются в истерике, проклинают меня и пытаются задушить. Последнее, как вы убедились, сделать не так-то легко... Но вы повели себя иначе и тем заинтересовали меня. Понимаете, здесь, в сердце Трансильвании, иногда бывает невыносимо скучно, а вы оказались неплохим собеседником. И ваша история меня тронула.

- Потому вы и согласились мне помочь?

- Поэтому тоже... – Граф больно сжал плечо Максимова своими костистыми пальцами. – Вы предложили свою жизнь в обмен на жизнь вашей жены. Такими словами не разбрасываются.

Установилось молчание. Вероника бочком подобралась к лежавшему грудой в углу господскому скарбу – она уже сообразила, что надобно собираться в дорогу. Граф легонько отпихнул Максимова от себя.

– Довольно болтать. Время дорого!

И вышел.

Оставив Веронику в комнате паковать вещи, Максимов спустился вниз, чтобы расплатиться с хозяином трактира. Тот сидел на кухне и выглядел изрядно напуганным. Максимов сунул ему несколько монет и знаками пояснил, что уезжает вместе с господином в черных одеждах. Был уверен, что трактирщик несказанно обрадуется – он ведь уже неоднократно намекал, что присутствие холерной больной наносит ущерб его заведению.

Однако болван, который целую неделю притворялся, будто не знает ни одного приличного языка, бегло затараторил на ломаном русском:

– Гашпадин жнай, ш кем ехай? Это граф Рэу, повашему «жлой»...

То, что трактирщик заговорил по-русски, Максимова не удивило. Валахия уже больше года находилась под объединенным протекторатом России и Турции, фактическое руководство краем осуществлял полномочный комиссар, присланный из свиты его величества императора Николая Первого, поэтому здешние обитатели стали быстро приспособливаться к новым реалиям.

– Что ты болтаешь? – нахмурился Максимов. – Какой Рэу?

– Гашпадин не жнай? О, у него многие имена! Это штрашный! Как шатана... Ешли гашпадин – добрый хриштиан, гашпадин не ехай ш ним!

Нельзя сказать, что Максимов был в восторге от своего нового знакомого. Дело даже не в том, что граф Ингерас внушал ему страх своим видом – Максимов был не из робких, и подобный маскарад его не пугал. Куда больше ему не нравилось поведение графа. Менторский тон, барская снисходительность, дурацкий розыгрыш с якобы отравленными иглами – все это выводило из себя. Очень

хотелось поставить зарвавшегося шута на место, показать ему, что он имеет дело с человеком как минимум равным себе. Однако Максимов изо всех сил сдерживался: он помнил, что Ингерас взялся лечить Аниту, и уже за одно это можно было стерпеть любые выходки.

Он с помощью безмолвного Йонуца закрепил свой багаж на крыше кареты. Переговаривались исключительно жестами. Йонуц, как объяснил граф, онемел еще в детстве, поэтому ждать от него членораздельных слов было бесполезно. Аниту закутали в одеяло и уложили на скамью, с ней села Вероника, пристроила голову госпожи у себя на коленях. Максимов уселся напротив. Сквозь одежду он ощущал холод, исходящий от сидящего бок о бок с ним графа, точно это был не живой человек, а мраморная статуя. Впрочем, подобное ощущение могло быть плодом разыгравшейся фантазии.

Ехали не два часа и не три, а без малого пять. Максиму мнилось, что не может быть на свете ничего хуже деревенской дороги, но, когда карета свернула в лес, они угодили в настоящую трясику. Лошади, уж на что крепкие, выбились из сил, выволакивая ноги из густого киселя. Раза четыре приходилось останавливаться, Йонуц прыгивал с козел и, рыча по-медвежьи, подталкивал карету сзади. Если бы не чудовищная сила, таившаяся в его ручищах, нипочем бы не выбрались.

Граф Ингерас за весь путь не выговорил ни слова. Сидел себе, прямой и недвижимый, не сводил глаз с Аниты, которая что-то шептала в горячем бреду. Один раз сквозь тучи проклюнулось заходящее солнце, и его оранжевый луч проник в окошко кареты, заскакал на лицах. И вот тут граф впервые проявил беспокойство. Верхняя половина его лица, не скрытая шарфом, сморщилась, как печеное яблоко. Он протянул длинную худую руку, надвинул на окно непроницаемую кожаную шторку и только тогда успокоился.

В карете стало темно, Максимов уже не видел своего соседа, но чувствовал, что тому атмосфера полного мрака нравится куда больше, чем свет, пусть даже не очень яркий.

Так доехали до места назначения. К тому времени наступила ночь, и, выйдя из кареты, Максимов различил над головой, в клочьях расплзшихся в стороны туч, лимонно-желтую луну с небольшой щербинкой сбоку. Он думал, что граф Ингерас, увидев ее, снова забеспокоится, но непонятный черный человек не рассердился на луну за ее бледное сияние, а, наоборот, кивнул ей, как старой знакомой, и выражение его глаз смягчилось.

Карета стояла у ворот исполинского замка, громоздящегося на плоской вершине поросшей лесом горушки. Максимов обратил внимание на то, что к замку ведут несколько троп – и широких, и поуже. Все они терялись в густой чаще, и сказать с точностью, по какой из них приехала карета, было невозможно. Ему подумалось, что предусмотрительный граф зашторил окно не только из нелюбви к солнцу, а потому что желал скрыть от своих спутников дорогу.

Мерцания луны не хватило, чтобы рассмотреть замок во всем его величии. Максимов увидел только причудливое нагромождение башен. Одна из них, самая высокая, представляла собой параллелепипед со скошенной верхней гранью, из которой торчали дымовые трубы и что-то наподобие сторожевой вышки, откуда, надо полагать, хорошо просматривались окрестности. Другие башни были цилиндрической формы, с конусообразными крышами, очень вытянутыми и заостренными сверху так, что они напоминали колпаки сказочных гномов, даже чуть загибались книзу наподобие шляпных полей. Крыши были выкрашены в коричнево-рыжий цвет, а сами башни и соединявшие их стены с редкими неширокими оконцами – в молочный. К замку, как успел заметить Максимов, примыкал овальный прудик с тускло поблескивавшей водой. Вокруг торчали деревья, растопырив голые ветви. Под ногами мягко пружинила палая и уже созревшая листва.

– Добро пожаловать в мое логово, – промолвил граф Ингерас со своей всегдашней скрытой иронией.

Максимов с осторожностью поднял на руки Аниту. Болезнь источила ее, она казалась легкой как пушинка. Вероника семенила рядом.

Йонуц отворил тяжелые ворота, и предводительствуемая графом процессия вошла во внутренний двор. Земля здесь была вымощена крупным камнем, а посередине виднелся колодец – круглая чаша с затейливыми барельефами (в полутьме трудно было разобрать, какими именно). Граф подошел к массивной двери, нетерпеливо грохнул бронзовым кольцом с оскаленной львиной мордой. Дверь, как по мановению чародейского жезла, открылась, и путники прошествовали внутрь замка.

Ингерас не стал жаться и предложил своим гостям две великолепные комнаты на третьем этаже. Максимов щедрость оценил, но сказал, что они вполне обойдутся одной, тем более что состояние Аниты требовало безотлучного

дежурства возле ее ложа.

– Я бы приставил к вам в помощь кого-нибудь из моих слуг, – сказал граф, – но они... – он замялся, – существа своеобразные. К ним надо привыкнуть.

К Йонуцу Максимов уже худо-бедно притерпелся, но не хотел бы иметь такого слугу рядом с собой. Отдав Веронике приказ распаковать вещи и достать все необходимое, он занялся растапливанием камина. Здесь, в каменном мешке, было стыло, и Анита, устроенная на гигантской кровати, бессознательно сжалась в комочек, не помогали и два стеганых одеяла, которыми ее укрыли.

Внутри замок напоминал классические образцы подобных сооружений из рыцарских романов. Кованые щиты с гербами на стенах, доспехи по углам, винтовые лестницы, колоссальных размеров люстры... От всего этого веяло средневековой романтикой, но Максимова сейчас занимали совсем другие мысли. Поскорее нагреть комнату, вскипятить воды, сделать для Аниты теплый компресс, поторопить графа с началом лечения. Ему казалось, что жизнь ее держится на тонюсенькой паутинке, которая вот-вот оборвется.

В комнате имелось все, что могло потребоваться для комфортного проживания: мебель, включая нужное количество кроватей, стульев и прочего, столы и столики, рукомойник, ночные вазы, покрытые глазурью, посуда, в том числе неподъемные кубки, из которых пивали, верно, еще во времена первых валашских господарей.

Замку было на вид лет четыреста, если не пятьсот. Понятно, что на протяжении веков он ветшал и его подновляли, так что стены были еще прочны, а деревянные элементы декора не выглядели прогнившими. Но в целом все оставалось таким, каким было при первых его владельцах, – Максимов, например, не обнаружил никаких признаков наличия водопровода, который стал уже обычным явлением во многих городах Европы. То ли граф Ингерас не хотел пускать в свое обиталище рабочих, то ли не решался повреждать почтенное сооружение, пробивая в нем отверстия для труб, то ли вовсе не нуждался в благах цивилизации. Так или иначе, в замке господствовал старинный житейский уклад, и с этим следовало мириться.

– Воды мало, – сообщил Максимов Веронике. – Сходи во двор, набери.

Вероника с опаской покосилась на окно, за которым царила слегка разбавленная лунным блеском темнота, вспомнила о страшном горбуне, но, взглянув на пересохшие губы госпожи, взяла вместительный керамический кувшин и вышла.

Уже на лестнице обругала себя за то, что не захватила свечу. Вне жилых помещений света не было вообще, и идти приходилось на ощупь. Хотела было вернуться, но поняла, что второй раз уже не заставит себя покинуть комнату, где она чувствовала себя в относительной безопасности. Поэтому, шаря свободной рукой по стенам, а второй прижимая к себе кувшин, продолжила путь.

Вот и первый этаж. В тишине слышалось дзеньканье капель – под какую-то прореху была подставлена бадья из луженой немецкой жести. Вероника пересекла гулкую прихожую, сопоставимую по величине с любым дворцовым залом, с усилием приоткрыла входную дверь и выскользнула наружу.

Во дворе было немногим светлее. Луна, как назло, скрылась за облаком, и ее сияние едва просачивалось через дымчатую пелену. Чертыхаясь и в то же время осеняя себя крестным знаменем, Вероника приблизилась к колодцу. Поставила кувшин на каменные плиты, стала искать ведро. Оно стояло на краю колодезной чаши, но впотьмах Вероника его не заметила, нечаянно толкнула, и оно с грохотом полетело в отверстый зев колодца. В замкнутом пространстве заметалось эхо, во дворе загудело, как на звоннице, где грянули разом все колокола.

– Чтоб те лопнуть! – проныла Вероника и принялась тянуть цепь, дополнив какофонию новыми нотами.

На шум и гром из замка вышла девушка лет восемнадцати. Обернувшись, Вероника увидела смутные очертания ее фигуры в чем-то похожем на просторный балахон. Сию же минуту в глаза ударил свет – девушка подняла над головой спиртовую лампу. Вероника изобразила на лице виноватую улыбку, стала скороговоркой объяснять, что не замыслила ничего дурного.

Девушка подошла к ней. Движения ее были такими сторожкими, что казалось, будто она готовится к схватке с ядовитой гадиной, однако взгляд ее был устремлен не столько на Веронику, сколько на колодец. Остановившись в двух шагах от чаши, она стала что-то недовольно выговаривать на непонятном языке.

На знатную особу она не походила, Вероника решила, что это, скорее всего, кто-то из прислуги графа. Поэтому перестала извиняться и отмахнулась, как от назойливой мухи:

– Да ну тебя! Ничего я такого не сделала. – И продолжила вытягивать цепь с болтающимся на конце наполненным ведром.

Вытянула, перехватила ведро за дужку, поставила на край чаши. Пододвинула ногой кувшин, чтобы сподручнее было перелить в него воду. Незнакомка в балахоне сорвалась на визг, тревожно замахала руками. Пламя в ее коптилке заколыхалось и запрыгало.

– Да что ты полошишься? – недоумевала Вероника. – Воды жалко, что ли?

Наклонила ведро. Оттуда свесился серебристый язык, нырнул в горлышко кувшина, звучно ударился о дно. В стороны полетели мелкие брызги. Девушка ойкнула, взвилась как ужаленная. Спирт из лампы выплеснулся и обжег ей руку.

– Экая ты! – пожурила ее Вероника. – И чего так перепугалась? Дай-ка холодненьким полью...

И прежде чем пострадавшая успела среагировать, Вероника плеснула ей из кувшина на обожженную кисть.

Нечеловеческий вопль огласил не только двор, но и все окрестные дебри. Девушка в балахоне повела себя так, словно ее руку окатили расплавленным оловом: выронила лампу (та каким-то чудом не опрокинулась, упала на донце и продолжала гореть), затанцевала, как от нестерпимой боли, стала неистово тереть тыльную сторону ладони о свой балахон.

Вероника стояла дура дурой, не понимала ничего. Заглянула в кувшин – может, с водой что не так? Сунула туда пальцы, обмакнула, поднесла к глазам, понюхала, полизала. Вода как вода, ключевая, вкусная.

Незнакомка меж тем блажила как заведенная. Вероника поставила кувшин, схватила ее за руку:

– Да что там у тебя? Покажи!

Взглянула и обмерла. На запястье и выше, вплоть до верхних пальцевых фаланг, расплзались багровые волдыри.

– Это что? – пролепетала Вероника. – Это ты спиртусом так?

Пострадавшая не отвечала, только всхлипывала. Вероника посмотрела ей в лицо, и стало совсем нехорошо. Девушка плакала, обильные слезы катились из ее глаз и оставляли на щеках красные полосы.

Для впечатлительной Вероники это было уже слишком. Позабыв про кувшин, она подобрала подол и что было духу помчалась к двери.

Ворвалась в замок и понеслась через зал-прихожую, скользя на отполированном полу. В темноте совалась то в один угол, то в другой, тщетно ища лестничный пролет. Внезапно слева мелькнул колеблющийся огонек. Вероника устремилась к нему как к спасительному маяку и увидела спускавшегося по ступенькам старика, который нес витой канделябр с тремя свечами.

– Помогите! – вырвалось у Вероники.

Она даже не задумалась над тем, у кого просит помощи и в чем, собственно, эта помощь должна заключаться.

– Сударыня... – с легким удивлением проскрипел старик на почти правильном русском. – Вы дрожите... Вас кто-то обидел?

Вероника уже собиралась пасть к его ногам, но вовремя обратила внимание на руку, сжимавшую канделябр. Эта рука, покрытая старческими морщинами и выпуклыми нитями вен, была синей! Да-да, совершенно синей, еще и с фиолетовым оттенком. Такого же цвета было и лицо, окаймленное щетинистыми бакенбардами. И хоть глаза старика глядели по-доброму, сочувственно, Веронику сковал животный ужас. Припомнились рассказы барина о том, что где-то в просторах Вселенной живут разумные создания. Может быть, они похожи на земных людей, а может, и нет. Барин говорил, что кожа у них, к примеру, зеленая или синяя...

Вероника тонко взвыла, оттолкнула старика и сломя голову побежала по крутой лестнице вверх.

Она влетела в комнату в тот момент, когда Максимов заканчивал переодевание – сменил дорожный костюм на домашний кашемировый шлафрок.

– Принесла? – осведомился он, не глядя на служанку.

– Алексей Петрович! – залопотала Вероника. – Там такое... такое... У ней вода кожу прожигает, а он... он с Луны прибыл!

Максимов уставился на нее как на душевнобольную.

– У кого прожигает? Кто с Луны?..

Насилу Вероника смогла растолковать ему причины своей паники. Он не поверил ни единому слову. Озлился:

– Что ты городишь? Еще и синих человечков приплела...

Вероника оскорбилась:

– Не верите – сами гляньте!

Максимов степенно, как пожилой дородный купец, запахнул полы шлафрока, затянул потуже пояс в виде шнура с голубыми метелками. Поразмыслив, опустил в правый карман револьвер. Лаконично бросил:

– От барыни ни на шаг.

Покинув комнату, он решил обследовать этаж, на котором находился. Замок, несомненно, таил в себе множество загадок и, не исключено, опасностей. Максимов хоть и не поверил бредням Вероники, но вознамерился все-таки произвести осмотр близлежащих помещений, а заодно отыскать графа Ингераса и спросить, когда тот займется Анитой.

Он прошел по коридору шагов десять и увидел приоткрытую дверь. Оттуда вкусно пахло жареным мясом и какими-то восточными пряностями. Максимов заглянул – там была кухня. Возле большого стола, спиной к нему, возилась, что-то разделявая, повариха в белом фартуке.

Максимов кашлянул. Она обернулась на звук.

– Скажите... – начал он по-французски, но далее этого единственного слова дело не пошло.

Взгляд наткнулся на лицо и руки поварихи. Все они были сплошь покрыты черными волосами, настолько длинными и густыми, что Максиму подумалось, будто перед ним не человек, а самка обезьяны. Это полуживотное разглядывало нежданного посетителя с чрезвычайным интересом, а потом сделало шаг навстречу.

Максимов проглотил заготовленные реплики, отступил назад и захлопнул дверь. Быстро вернулся к своей комнате. Признаться, он испытывал некоторое замешательство после увиденного и с большой охотой вернулся бы к Аните, но очень не хотелось представлять перед Вероникой слабохарактерным слюнтяем. Постояв немного, он убедил себя в том, что ничего сверхъестественного не случилось. Граф Ингерас – оригинал, каких поискать, это заметно было сразу. Почему бы ему не привезти с Востока или из Африки какого-нибудь смышленного гоминида и не выдрессировать его, точнее, ее, ибо выпуклая грудь говорила о безусловной принадлежности существа к женскому полу?

Максимов сдвинул в кармане шлафрока рукоять «Патерсона» и двинулся в сторону, противоположную той, где располагалась кухня. Здесь ему тоже встретилось несколько дверей. Он толкнул одну, вторую – они были заперты. Зато третья отворилась без труда.

За ней обнаружилась комната без мебели, в ней слабо помаргивали две свечи, от которых исходил душный аромат трав, сразу вызвавший ассоциации с Азией. Комната не была совсем пустой – посреди на полу лежала циновка, а на ней, скрестив ноги, восседал человек в китайском халате и с китайскими же чертами лица. Глаза его были прикрыты, изо рта торчала погасшая трубка. Китаец, похоже, дремал.

Прежде чем подойти, Максимов внимательно пригляделся к нему. Азиат не производил впечатления монстра или пришельца из космоса. Кожа того цвета, что свойственен сынам Поднебесной империи; жидкая борода, руки-ноги на своих местах. На первый взгляд это был обычный человек, и Максимов решился с ним заговорить.

– Послушайте, – обратился он к сидевшему, – не подскажете, где находится его сиятельство граф Ингерас?

Китаец не откликнулся и не шелохнулся. Полагая, что тот в полусне, да еще под воздействием какого-нибудь дурманного зелья, Максимов подошел к нему вплотную и наклонился, чтобы повторить вопрос в самое ухо. Но тут левая рука азиата, доселе покойно лежавшая на его колене ладонью вверх, взметнулась, сжалась в кулак и захватила Максимову в промежность.

Тот не успел среагировать, схватился за ушибленное место и отпрыгнул на добрую сажень. Ожидал, что треклятый азиат, ни с того ни с сего проявивший агрессивность, вскочит с места и разовьет свою атаку. О приемах борьбы, разработанных в Китае и Японии, ему доводилось слышать от опытных путешественников, и имелись все основания опасаться этого узкоглазого человечка. Максимов разогнулся и поскорее вынул из кармана револьвер.

Китаец, однако, не сделал усилия, чтобы подняться с циновки. Он все так же сидел со скрещенными ногами и смеженными веками, и только левая рука его активно двигалась. Она описала в воздухе круг, кулак разжался, пальцы сложились в щепоть, которая стала тыкаться в стороны, точно птичий клюв, после чего вся конечность от плеча до кисти стала совершать волнообразные движения. Максимов как замороженный следил за этой пантомимой. Было похоже на ритуальный танец или на гимнастические упражнения, но Максимов никогда не видел, чтобы они выполнялись вот так, без участия всего остального тела.

Поизвивавшись, рука кровожадно растопырила пальцы и схватила своего хозяина за горло. Лишь теперь китаец пробудился, трубка выпала из его рта, он замигал сонными глазами, а после выпучил их так, что они приняли вполне европейскую форму. Правой рукой, которая повиновалась ему, он ухватил левую, жившую собственной жизнью, и принялся отдирать ее от своей шеи.

Максимов не знал, как поступить: ретироваться или пособить азиату в его нелегком противостоянии с жилистой рукой, в которую как будто вселился бес. Покуда стоял и раздумывал, в противостоянии произошла перемена – проснувшийся китаец замотал головой, высвободил шею из железной хватки, а потом упал ничком на пол, навалившись на мятежную руку, которая продолжала дергаться и скрести ногтями по циновке.

Максимов не стал дожидаться, пока китаец его заметит, и с быстротою ящерицы юркнул за дверь. Приключений и впечатлений на сегодняшний день было более чем достаточно.

Глава вторая. Стригой

Лечебные методы графа Ингераса. – Невеселое Рождество. – Ведьма и леший. – Ирландец О’Рейли. – На вопросы здесь никто не отвечает. – Таинственные перемещения горбатого Йонуца. – Кое-что о цивилизации ольмеков. – Миска, полная крови. – Подслушивать нехорошо, но иногда полезно. – «Чучмек приехал». – Дальний родственник вице-короля Аббаса. – Ночное исчезновение. – Анита начинает действовать. – Что можно сделать из обыкновенного гвоздя. – В святая святых. – Его настоящее лицо.

Больше месяца Анита балансировала между жизнью и смертью. Граф Ингерас держал слово – лечил ее всеми известными ему и неизвестными Максимуму способами: вливал в вену через полую иглу (недавнее изобретение дублинского врача Фрэнсиса Ринда) растворы на основе кальцинированной соды, вдвухвал ей в рот пары зеленоватого газа, который выделялся в стеклянном сосуде, где шла химическая реакция. И это не считая многочисленных порошков, микстур и припарок.

Лечебные меры, к неопиcуемому счастью Максимова, возымели действие – в декабре Анита пошла на поправку.

– Вы – великий врач, – сказал Максимов чудесному спасителю. – Почему вы сидите в этой глухомани и не практикуете?

– Я не врач, – ответил граф. – И никогда им не был.

– Кто же вы?

– Я изучаю человека в целом, поэтому знаю, как работает его организм, и, следовательно, имею определенные познания в области исцеления болезней. Но это лишь одно из направлений, которые меня интересуют.

Он мало рассказывал о себе, старательно избегал разговоров о своем прошлом и о нынешних занятиях. Это раздражало Максимова, он дал себе зарок непременно разузнать о графе все что можно, но сейчас на первом месте была Анита.

К Рождеству, которое в Трансильвании отмечали по православному календарю, поскольку большинство населения придерживалось ортодоксальной веры, она уже могла свободно общаться с окружающими и, поддерживаемая с двух сторон, передвигалась по комнате. Процесс ее выздоровления вызывал у Максимова и Вероники бурную радость.

Тем не менее атмосфера в замке оставалась зловещей и напряженной. Праздник прошел незаметно – никто никого не поздравлял, никто не ставил елку, не украшал комнаты, не ехал на службу в храм. Вообще во всем громадном здании не было ни одной иконы, ни одной лампы, ни каких-либо иных предметов, свидетельствующих о приверженности его обитателей к той или иной религии.

Анита не помнила ничего с той самой поры, когда они остановились в деревенском трактире. Поэтому, едва в ее голове наступило просветление и мысли пришли в порядок, она засыпала мужа вопросами:

– Где мы? Кто этот человек с шарфом? Почему он не показывает своего лица?

Максимов, чтобы не волновать еще не отошедшую от тяжелой болезни супругу, отвечал правдиво, но витиевато, топил свои тревоги и опасения в многоречивости, напирал на то, что граф Ингерас – истинный чудесник, не жалеет ни времени, ни сил, чтобы вытащить малознакомую даму с того света.

– Вот именно, – веско произнесла Анита, прервав его на полуслове. – Не жалеет сил ради малознакомой... С чего бы это, Алекс? Он разве чем-то нам обязан?

– Ничем, – признался Максимов. – Больше того: я предложил ему заплатить за лечение, он отказался наотрез. Заявил, что он – отпрыск старинного дворянского рода, получил отменное наследство вместе с этим замком, так что в средствах не стеснен и никакой платы ему не нужно.

– Откуда тогда такое рвение? Или он в меня влюбился? – Анита посмотрелась в зеркало, висевшее напротив кровати. – Нет... Я сейчас на ведьму похожа, в меня только леший влюбиться смог бы...

«А что, если граф и есть леший?» – чуть не вырвалось у Максимова. Живет в лесу, окружил себя нелюдьми, которым самое место в кунсткамере, обличье скрывает, ото всех таится... Предположения о том, что его сиятельство связан с нечистой силой, много раз высказывала суеверная Вероника. Максиму они тоже приходили на ум, но он, как убежденный материалист, гнал их прочь.

Насчет нелюдей, кстати, тоже не все было очевидно. Волосатая кухарка оказалась не диковинным животным, а обычной (ну, не то чтобы совсем обычной) туземкой с далеких островов в Тихом океане. На все обращенные к ней реплики она отвечала трескотней на родном диалекте, которого Максимов не знал, поэтому так и осталось невыясненным, является ли повышенная лохматость нормой среди тамошних аборигенов или нет.

Синюшный старик вел себя как настоящий аристократ. При встречах с Максимовым в коридорах и залах замка он учтиво здоровался, справлялся о самочувствии, отпускал глубокомысленные замечания относительно погоды, весьма холодной в этот сезон, и шел себе дальше. Максимов как-то спросил у него, кто он такой и какое отношение имеет к графу Ингерасу. Старик ответил, что фамилия его О'Рейли, родом он из Ирландии, а к графу прибыл в качестве гостя, поскольку они давние знакомцы. Максимов обрадовался возможности разузнать через этого лилового Мафусаила что-нибудь о графе, но старик сразу же сослался на занятость и удалился в свои покои, располагавшиеся на четвертом этаже.

Замкнутость и немногословность были общими чертами для всех жильцов этой мрачной неприступной громады. Непонятно было даже, сколько точно человек

здесь живет и кто из них слуга, кто постоялец, а кто друг хозяина. Граф не спешил знакомить Аниту и Максимова с соседями, а традиция общих обедов, где так удобно пообщаться на короткой ноге, в замке не была заведена.

Чаще всего на глаза попадался горбатый Йонуц, но что возьмешь с него?

Именно он, этот безобразный горбун, которого Анита про себя сразу окрестила Квазимодо, являлся единственным связующим звеном между замком и внешним миром. Время от времени, раз в неделю, он выезжал со двора на большой телеге, похожей на поставленную на колеса рыбацкую шаланду, и скрывался за деревьями. Наблюдая за ним из окна, Анита подметила, что уезжает он каждый раз другой дорогой. Возможно, это делалось для того, чтобы сбить с толку непосвященных обитателей замка.

– У его сиятельства есть резон прятаться от людей, – сказала она Максиму. – Эти дороги наверняка где-то переплетаются, образуют что-то вроде лабиринта. Несведущему человеку трудно будет выбраться отсюда.

– Это точно, – подтвердил Максимов.

Однажды, когда Анита еще не могла вставать, он решил прогуляться за пределами замковых стен. Выбрал наугад одну из троп, пошел по ней. Она разветвилась, потом еще раз и еще. Очень скоро Максимов перестал ориентироваться, короткий зимний день кончился, и ему стало не по себе. Делать нечего – пришлось достать револьвер и палить в воздух. На выстрелы прибежал китаец, без лишних слов схватил Максимова рукой (по счастью, правой) за полу и потащил к замку. Вечером того же дня граф устроил гостю выволочку и попросил впредь не совершать таких самонадеянных променадов.

– Здешние места, сударь, не подходят для прогулок, – как всегда наставительно прогундел Ингерас, пряча нос в свой толстый шарф. – Кругом болота и непроходимый лес. Если не провалитесь в топь, то обязательно заблудитесь. И, к слову, лес кишит дикими зверями.

Все это напоминало страшилки, какие обычно рассказывают детям, чтобы отвадить их от чего-то дурного. Максимов не унимался:

– А как же этот ваш Йонуц? Он не боится ни болот, ни зверей?

– Йонуц знает здесь каждую стежку. Что до зверей, то сила у него фантастическая, он одолеет и медведя.

– А он не мог бы немного познакомить меня с округой? Мы гостим у вас уже столько времени, а я до сих пор не знаю ничего...

– Всему свое время, – отрезал граф.

Йонуц уезжал на пустой телеге, а когда возвращался, она была набита поклажей. Винные бочки, хлебные караваи, кольца колбас и прочие припасы – все это изобилие поступало в закрома замка. Надобно сказать, что кормили гостей неплохо, причем национальные кушанья перемежались и блюдами других стран. И хотя Максимуму не доставляло удовольствия думать, что все это приготовлено стряпухой, у которой даже ладони были покрыты густым ворсом, следовало признать, что дело свое она знает преотлично.

Аниту интересовало, откуда горбун привозит продовольствие: из той ли деревушки, где граф подобрал чету Максимовых, или из какого-то другого населенного пункта, расположенного ближе? Она, изобразив на лице милое простодушие, спрашивала об этом у графа, но он неизменно уклонялся от ответа. Максимов насилу припомнил, что от деревенского трактира они двинулись на север, потому что пробившееся через облака солнце светило в левое окошко, но, после того как граф задернул шторку, карета несколько раз поворачивала, и занятый мыслями об Аните Алекс очень скоро утратил ориентировку.

Настали самые темные зимние дни. Окружающие замок дубы, буки и грабы были покрыты толстым слоем свежеснежавшего снега, а пространство между ними заполняли нагромождения сугробов, напоминавших могильные холмы. Белизна снегов отнюдь не скрашивала общего впечатления, которое сложилось у Максимова, Аниты и в особенности у Вероники. Служанка то и дело повторяла, что в этом чертовом прибежище они сгинут навеки, и дабы этого не случилось, нужно поскорее уезжать.

Но уехать было никак нельзя – Анита еще только-только поправлялась, на улицу покамест не выходила, и сил ее хватало разве на то, чтобы пройтись немного по замку. Ходила она медленно, поминутно останавливалась, чтобы передохнуть. Максимов всегда старался быть рядом, просил ее не переутомляться без

необходимости. То же самое советовал и граф. Он изменил тактику лечения: вместо вдыхания паров назначил укрепляющие отвары и настои, которые Анита должна была пить трижды в день. Она послушно выполняла его распоряжения. После того как он совершил невозможное и вытащил ее из лап костлявой старухи, глупо было бы сомневаться в сделанных им назначениях. Анита спросила у своего целителя, как скоро она сможет покинуть замок, чтобы не злоупотреблять слишком долго гостеприимством хозяина. На это граф ответил:

– Как минимум месяц-полтора вам еще придется пробыть здесь. Холера – слишком опасная болезнь, чтобы относиться к ней легкомысленно. Я должен убедиться, что она не обернулась для вас осложнениями. К тому же вы меня несколько не стесняете. Величина замка позволяет мне принимать сколько угодно гостей. Или вам что-то не нравится?

Последнее было произнесено с нотками подозрения и некой обиды. Анита поспешила заверить, что ее все в замке устраивает, а тяготит лишь чувство неловкости оттого, что граф вынужден тратить свое драгоценное время на людей, с которыми его ничто никогда не связывало.

Ее все сильнее занимал вопрос, отчего граф так возится с нею. О влюбленности, конечно же, не могло быть и речи. Хотя Анита, неуклонно выздоравливая, избавилась от ужасающей худобы, стала походять на себя прежнюю – наделенную красотой и шармом, граф не останавливал на ней затуманенных взоров, не скользил нескромно глазами по выпуклостям ее тела. Анита страстные порывы мужчин улавливала так же безошибочно, как летучая мышь улавливает преграду, и могла с уверенностью сказать: ее внешность не интересовала графа Ингераса никоим образом. Все свое внимание он направлял на то, чтобы восстановить ее здоровье, как будто для него не было на свете ничего более драгоценного.

Он еще три или четыре раза брал у нее для исследований кровь. Заодно этой болезненной процедуре подверглись Максимов и Вероника – как лица, находившиеся с заболевшей в тесном контакте. Особенно тщательную проверку граф устроил Максиму: не ограничившись анализом крови, придирчиво выслушивал его легкие и сердце при помощи стетоскопа, сделанного из орехового дерева. Отстал лишь тогда, когда удостоверился, что пациент здоров. Но и после этого периодически интересовался, не появилось ли у него каких-либо жалоб на самочувствие.

Честное слово, – сказал Максимов Аните, – если бы мы были его родными детьми, он бы с нами так не носился. И ни полушки ведь не взял!

– Ох, лучше б взял! – вздыхала Вероника и старалась как можно реже выходить из комнаты.

Анита же, наоборот, едва научившись как следует держаться на ногах, стала предпринимать вылазки на другие этажи. Тайна замка в целом и графа в частности разжигала ее любопытство, будоражила мозг и требовала действий.

Как-то раз она поднялась на четвертый этаж, чтобы поболтать со стариком-ирландцем, который оказался наиболее разговорчивым из всех, кто населял замок. Она уже свыклась с синевой его кожи, не испытывала по этому поводу ни робости, ни отвращения. И пусть старик свято хранил секрет своей нетривиальной внешности, а также умолкал при любых упоминаниях о графе Ингерасе, становясь словоохотливым, только когда речь заходила о предметах вздорных и пустяковых, Анита не теряла надежды как-нибудь заговорить его и выудить нужную ей информацию.

Но сейчас, подойдя к его комнате, она услышала за дверью голоса. Говорили достаточно громко, Анита сразу определила, что к ирландцу зашел граф. Не совладав с искушением, она приникла к замочной скважине и действительно увидела графа. Он стоял возле кресла, в котором сидел старик, и держал в руке ланцет. На столике подле кресла находилась глиняная миска, а рядом с ней – пустая стеклянная бутылочка со вставленной в горлышко воронкой.

– Ну что, мистер О’Рейли, вы готовы?

– Разумеется, дорогой граф, – откликнулся ирландец. – Но если можно, оставьте сегодня в покое мои бедные ноги. Мне и так трудно ходить, пальцы болят...

– Извольте, – согласился граф и закатал ему рукав. – Если вы плохо себя чувствуете, можем отложить до завтра.

– Нет-нет, приступайте. Я же знаю, насколько это важно для вас.

Аните сразу бросилось в глаза, что на графе нет шарфа. Стало быть, ирландец знал его в лицо и граф не находил в этом ничего зазорного. Аните ужасно захотелось увидеть, что же так тщательно скрывает Ингерас, заматывая рот и подбородок, но, к ее досаде, он все время стоял спиной к двери, и она не имела возможности видеть его даже в профиль.

Граф надрезал вену на локтевом сгибе старика, и бурая кровь полилась в миску. Анита решила, что Ингерас, по своему обыкновению, берет образец для анализа, однако он не удовольствовался несколькими каплями, а продолжал выцеживать из О'Рейли кровь, покуда в миске не набралось с американскую пинту. Анита с тревогой смотрела на старика – не упадет ли в обморок, но тот сидел ровно, поддерживал беседу. С графом он был куда откровеннее, чем с соседями с третьего этажа, и Анита наострила уши.

– Эта испанка очень любопытна, – сказал ирландец. – Все норовит выпытать у меня, кто вы такой и чем занимаетесь.

– Она сама по себе – любопытнейший экземпляр, – задумчиво проговорил граф Ингерас, глядя на стекавшую в миску кровь. – Среди ее предков были ольмеки.

– Кто это?

– Древний народ, живший на Американском континенте.

– Как вы это установили?

– Как обычно. Исследовал ее кровь с помощью открытых мной анализаторов. Я же вам рассказывал, что наследственные признаки передаются от человека к человеку и сохраняются в микрочастицах организма. Сейчас никто не придает этому значения, но когда-нибудь появится целая наука о наследственности, и она перевернет мир... если я не переверну его раньше.

– Теперь я понимаю... – пробормотал О'Рейли. – А вы хитрец!

– Просто прагматик.

Граф зажал надрез на руке старика матерчатым тампоном и аккуратнейшим образом, не теряя ни капли, перелил собранную кровь из миски в бутылочку.

Анита всей душой желала, чтобы интригующий разговор продолжился и чтобы граф наконец повернулся лицом к двери, но вдруг услышала шаги в темноте коридора. Вернее, не услышала, а едва уловила, и не шаги, а мягкое крадущееся скольжение. Так мог двигаться только один человек в замке – китаец со своенравной рукой.

Анита отскочила от двери и привалилась к стене. Все знали, что ходит она с остановками, часто отдыхает. Китаец появился из мрака (он никогда не пользовался светильниками – видел в темноте не хуже кошки), вступил в серую полосу, образованную свечными отблесками, просачивавшимися под дверь комнаты О'Рейли. Анита чуть улыбнулась ему, сделала беспомощный жест: дескать, стою, собираюсь с силами. Он молча протянул ей левую руку, предлагая помощь, но она уже была наслышана о его особенностях и со всей возможной вежливостью качнула головой. Китаец не настаивал – тихо прошелестел мимо и растворился во мгле.

Чуть погодя она рассказала Алексу обо всем виденном и слышанном.

– Я знал, что его сиятельство нам что-то недоговаривает, – глубокомысленно заметил Максимов.

– Ты потрясающе наблюдателен, – съязвила Анита. – Хорошо бы еще понять, что именно он недоговаривает. Лично меня больше всего волнует его интерес к моим ольмекским предкам. Да, у нас в семье рассказывали, что мой прапрапра... словом, какой-то там дедушка был в числе первых конкистадоров и привез из Америки аборигенку, от которой у него было не то пятеро, не то шестеро детей. Наша родовая ветвь пошла как раз от одного из таких отпрысков. Возможно, у этой аборигенки были ольмекские корни. Но что с того? Насколько мне известно, цивилизация ольмеков исчезла две с лишним тысячи лет тому назад. Вряд ли я смогу сообщить графу о тех временах что-то новое.

– Твои предки случайно не закапывали сокровищ в Америке? Может, он надеется с твоей помощью получить к ним доступ? Какая-нибудь безделушка, которую передают от поколения к поколению в вашей семье, может оказаться ключом к золотому кладу.

– Алекс, ты начитался романов. Не было у нас в семье никаких американских безделушек. И потом, как мог это предполагать граф, если он ничего не знает о моем прошлом, кроме того, о чем ему поведала моя бедная кровь?

– Судя по всему, в вопросах крови он большой специалист...

– Подмечено верно.

За весь период пребывания в замке ни Максимов, ни Анита не видели, чтобы к графу Ингерасу кто-то навещался с визитом. Тем удивительнее было сообщение Вероники, которая, вернувшись однажды днем с ведром воды, набранной в колодце, брякнула с порога:

– Чучмек приехал.

– Кто? – переспросила Анита, не расслышав.

– Чучмек... Да вы гляньте.

Анита подошла к окну. Максимов, читавший от нечего делать роман Вальтера Скотта, завалявшийся в одном из чемоданов, тоже встал и приблизил лицо к мутному стеклу.

У ворот замка стояла карета графа, а из нее степенно, с достоинством, свойственным людям влиятельным и небедным, выходил человек в модном плисовом пальто, лакированных сапогах и совершенно не вязавшейся со всем этим восточной чалме, нахлобученной на голову. На вид ему было лет двадцать – двадцать пять. Рядом с ним стоял Йонуц. Горбун, как всегда, вел себя независимо, если не сказать развязно – не открыл приехавшему дверцу кареты, не помог сойти. Просто стоял и смотрел. Анита давно подметила, что среди слуг графа этот уродец выделяется особым статусом, позволяющим ему вести себя совсем не по-лакейски.

Но сейчас ее интересовал не Йонуц. Она смотрела на приезжего и гадала: кто он? Откуда и зачем пожаловал?

– Турок? – почему-то шепотом спросил Максимов, хотя гость никак не мог его слышать.

– Не знаю, – так же негромко ответила Анита. – Плохо видно отсюда... Знаешь что: спустись-ка вниз и поздоровайся с ним. Перекинься хотя бы парой слов.

Максимову не нужно было повторять дважды. Сидя в замке, он ощущал себя затворником – ни в свет выйти, ни с новыми людьми пообщаться. Приезд «чучмека» – и то событие!

Скинув шлафрок и надев пиджак (не парадный, но вполне годный для знакомства с аристократами), Максимов спустился в зал-прихожую аккурат в тот миг, когда туда вошел приезжий в сопровождении Йонуца. Из-под чалмы глянули пытливые глазки... нет, не турка, а скорее араба из тех, что живут в ближневосточных странах.

– Господин граф? – уточнил приезжий на чистейшем французском. – Имею честь...

За его спиной недовольно запыхтел Йонуц. Максимов поторопился устранить недоразумение:

– Никак нет. Я – гость его сиятельства, из России. Алексей Максимов, к вашим услугам... простите, не знаю, как вас зовут.

– Господин Халим-Искандер из Каира, – раздался громкий голос графа Ингераса, и он собственной персоной сошел по лестнице в зал. Протянул гостю руку в перчатке: – Владелец замка я.

– Очень приятно, – ответил человек в чалме и прибавил не без юношеского хвастовства: – Я, между прочим, являюсь родственником вице-короля Аббаса... дальним.

Хозяин и визитер обменялись церемонными рукопожатиями.

– Из Каира? – выразил удивление Максимов. – Далековато заехали!

Ингерас покосился на него и ничего не сказал. Он был не очень рад тому, что приезд господина Халима был замечен посторонним. Во всяком случае, не собирался давать никаких пояснений.

Зато господин Халим был настроен более дружелюбно и без обиняков прокомментировал:

– Я приглашен его сиятельством, чтобы обсудить сделку. Я бы желал купить этот замок... разумеется, после того, как хорошенько его рассмотрю и ознакомлюсь с документами.

Его правильный французский выговор свидетельствовал о том, что реформы египетского правителя Мухаммеда Али, почившего за полгода до описываемых событий, не прошли даром. Этот вассал турецкого султана, сделавшись наместником великой африканской державы, всю свою жизнь конфликтовал с Османской империей и тяготел к европейским культурным ценностям. Благодаря ему за последние сорок лет Египет и египтяне сильно изменились. Перед Максимовым стоял не дремучий дикарь, а образованный и хорошо воспитанный молодой человек, возможно даже окончивший Сорбонну или другой, не менее престижный университет Старого Света.

Граф прервал откровения вице-королевского родственника и повел его за собой, приговаривал:

– Идемте, господин Халим, обсудим условия в моем кабинете. Простите, что не снимаю шарфа, простуда, знаете ли... Январские морозы в Трансильвании весьма суровы.

«Нехорошо врать!» – подумал Максимов, поймал на себе еще один сердитый взгляд Йонуца и вернулся к Аните.

– Граф продает замок? – не поверила она. – С чего бы вдруг?

– Откуда нам знать, что у него на уме? Думается мне, его сиятельство – тот еще плут и мошенник. Египтянин, по-видимому, из богатых, у него все пальцы унизаны алмазными перстнями. Граф со своей ловкостью облапошит его, вытянет все деньги, вот увидишь!

– Фу, Алекс, – поморщилась Анита, – как ты можешь так говорить о человеке, который меня буквально воскресил? На кого на кого, а на жулика он никак не похож. И зачем ему деньги египтянина? Граф сам богат, ни в чем себе не отказывает: содержит роскошный замок, уйму нахлебников... нас в том числе.

– Я не хочу быть ничьим нахлебником! – вскинулся Максимов. – Как только ты поправишься и мы соберемся в дорогу, я заставлю графа принять плату за лечение и постой. В крайнем случае оставлю деньги на столе, и лишь после этого мы со спокойной совестью уедем.

– Ладно, Алекс, это мы обсудим позже. А сейчас мне очень хочется узнать, о чем говорят его сиятельство и господин Халим.

Увы, узнать это не представлялось возможным. Разговор происходил в кабинете графа на верхнем этаже самой высокой башни. В эту святая святых без разрешения Ингераса не имел права входить никто, за исключением горбатого Йонуца. Дверь всегда была заперта на ключ, независимо от того, работал граф в кабинете или отсутствовал, а войлочная обивка была настолько толстой, что наружу не проникал ни единый звук.

Напрасно Максимов, напустив на себя беспечный вид, прогуливался то в нижнем зале, то во дворе, в ожидании, когда египтянин соизволит отправиться восвояси. Это было бы удобным случаем укрепить едва завязавшееся знакомство и расспросить кое о чем, но текли часы, а из башни никто не спускался. Наступила ночь, и стало ясно, что экзотический гость останется в замке до утра.

Спалось Аните паршиво. Это наречие стало одним из первых русских слов, которые она освоила, перебравшись в Россию. В деревеньке, куда Алекс привез ее, чтобы познакомить с родителями, конюх Трофимыч чуть ли не каждое утро кряхтел:

– Паршиво нынче на дворе. Снегу намело по саму гузку!

Легла Аните на душу колоритная речь старца, и она ученическим почерком вписала в тетрадь для памяти: «guzka» и «parchivo». Иной раз щеголяла этими словечками и в светском обществе, шокируя расфуфыренных дам с их напыщенными кавалерами.

Глубокой ночью ей почудилось, что в замке кто-то вскрикнул. Она растолкала храпевшего Алекса. Он спросонья затряс головой, завохтал по-куриному. Анита зажала ему рот ладонью:

– Тс-с! Слышишь?

С минуту оба напряженно прислушивались, но крик больше не повторялся. Максимов лениво махнул рукой:

– Нелли... тебе приснилось...

И захрапел снова, Анита же проворочалась до рассвета, так и не сомкнув глаз.

Утром к ней зашел граф Ингерас. Он являл собою олицетворение заботливости и внимания: проверил у пациентки пульс, измерил кровяное давление посредством ртутного манометра конструкции Карла Людвига, принес новые укрепляющие отвары и подробно разъяснил, как их употреблять. Анита кивала, повторяла инструкции, а Максимов, сидя у камина и подглядывая в огонь поленца, спросил со скучающим видом:

– Где ваш вчерашний посетитель, граф? Что-то его не видно...

– Посетитель? – Граф едва заметно вздрогнул. – Ах, этот... Он уехал.

– Когда?

– Ночью. Ему нужно сегодня же попасть в Констанцу, чтобы успеть на пароход до Константинополя. Оттуда он возвращается домой.

– Значит, относительно продажи замка вы не сговорились?

– Нет. Я передумал продавать замок. – Граф резко встал и покинул комнату, не сказав более ни слова.

– И опять он врет! – сказал Максимов, указывая на окно. – Вчера вечером, уже после того, как прибыл египтянин, сильно мело, все подъезды к замку были запорошены. А сегодня... посмотри!.. Снег не тронут. Следовательно, из замка

никто не выезжал.

Анита согласилась безоговорочно:

– Я бы услышала, если бы кто-то выехал... Нет, египтянин все еще в замке.

Беспокойство овладевало ею все настойчивее. Она каждой клеткой ощущала, что в замке творится что-то нехорошее и что они с Алексом стали помимо воли заложниками демонической личности в черных одеждах. Чтобы успокоиться, она повторяла как мантру: граф благороден, граф спас мне жизнь. Но и это уже не помогало. Внутренний голос ехидно нашептывал, что и домашних животных, бывает, лечат, чтобы потом отправить на бойню.

Максимов в целом разделял ее тревогу, но считал, что вследствие перенесенной болезни у нее расшатались нервы и потому она преувеличивает уровень опасности. По его мнению, граф не сможет воспрепятствовать их отъезду, когда придет время. Зачем ему два лишних рта?

Прошло три дня. Родственник египетского вице-короля исчез. Не было никаких признаков его пребывания в замке. Граф не заводил о нем разговора, а расспросы среди остальных обитателей натыкались на стену молчания.

Аните все это осточертело, и она заявила Алексу, что настала пора действовать.

– Я должна заглянуть в кабинет графа. Он не зря держит дверь запертой – возможно, там кроется разгадка.

– А ты уверена, что нам так уж обязательно знать эту разгадку? И как ты хочешь пробраться в кабинет, если он закрыт?

– Ты ведь смастеришь что-нибудь эдакое... вроде универсального ключа? Помнишь, у нас был такой, пока я его не сломала...

Затею с проникновением в чужие апартаменты Максимов не одобрил, но перечить Аните ему никогда не удавалось.

У него не было нужных инструментов и материалов, однако изобретательный ум подсказал выход. Воспользовавшись щипцами для колки сахара, кочергой и рубчатым прутком из каминной решетки вместо напильника, Максимов за полтора часа превратил вынутый из деревянной стенной панели гвоздь в замысловатую стальную спираль с множеством зазубрин.

– Вот тебе ключ, – сказал он, отдавая получившееся изделие Аните. – Надеюсь, подойдет. Что дальше?

– А дальше отвлеки графа. Займи его минут на пятнадцать-двадцать и предоставь остальное мне.

– Занять графа? Это чем же? Он совсем перестал со мной разговаривать, боится лишних расспросов... И ты забываешь про Йонуца. Мне иногда кажется, что это он – настоящий хозяин. Он везде, следит за каждым моим шагом...

– Алекс не... как это по-русски?.. Не перегибай. Йонуц следит не только за тобой. Но завтра он уедет за продуктами. Он всегда уезжает по субботам.

Анита не ошиблась. На следующий день, с раннего утра, когда над взгорком, где возвышался замок графа Ингераса, еще властвовала тьма, немой горбун вывел из ворот упряжку, сел в нее и укатил в одному ему известном направлении. Практика показывала, что вернется он не раньше вечера, поэтому Анита решила, что времени для реализации намеченного предприятия вполне достаточно.

Когда забрезжил рассвет, Максимов поднялся в башню и постучал в дверь графского кабинета. Промолвил громко и учтиво:

– Господин граф, можно войти?

Прошло не менее минуты, прежде чем Ингерас соизволил отпереть. Но он не пустил Максимова внутрь, приоткрыл дверь, высунул обмотанную шарфом голову и спросил не особенно любезным тоном:

– Что вам угодно, сударь?

– Мне угодно с вами поговорить.

- Нельзя отложить на потом?

- Дело важное, - не уступил Максимов. - И я не займу у вас много времени.

Он сделал движение - войти в кабинет, однако граф упредил его, выскользнул наружу и встал перед дверью, прикрыв ее за собой. На Ингерасе была темная накрахмаленная рубашка с наглухо застегнутым воротом, а на руках - все те же перчатки, которые он, по всей видимости, в спешке натянул после того, как услышал голос чужака. Небрежно был намотан и шарф.

- Что ж, извольте, - проговорил граф. - Но у себя в кабинете я провожу химические опыты, там не слишком приятный запах... Идемте в вашу комнату.

Случилось то, на что рассчитывала Анита. Граф дважды повернул в замке ключ, подергал дверь, убедился, что она закрыта надежно, и кивком предложил своему спутнику следовать вниз по лестнице. Что оставалось Максиму? Только пойти за ним. Русский инженер был неловок и, спускаясь по неудобным высоким ступенькам, ткнулся плечом в забранное решеткой окошечко, через которое в башню струился дрожащий свет зимнего дня.

Этот условный сигнал услышала Анита, притаившаяся на наблюдательной вышке, футах в десяти над тем местом, где находились Алекс с графом. Вышка продувалась всеми ветрами, Анита куталась в теплое меховое манто, но ее все равно знобило, и она, еще не восстановившаяся после болезни, заклинала Алекса поскорее выполнить порученную ему миссию.

Выждав для верности еще минуту, Анита по отвесной деревянной лесенке спустилась с вышки на площадку, где располагалась дверь в кабинет. Манто она оставила наверху, перекинув его через поперечную балку. Для рискованной экспедиции просторная одежда со множеством складок не подходила: в ней немудрено было запутаться и она производила лишний шум. Поэтому Анита осталась в специально надетой для такого случая амазонке, состоявшей из тесного приталенного жакета и узкой юбки. Хорошо, что еще в России догадалась сунуть этот комплект в один из чемоданов. Как чуяла, что пригодится.

Сделанная Максимовым отмычка позволила без особых хлопот открыть таинственную дверь. Анита постояла немного, прислушалась и, вдохнув полной

грудью, шагнула в графский кабинет.

В этот самый момент граф и Максимов входили в комнату, где Вероника оттирала золой тарелки, оставшиеся после завтрака, и полоскала их в тазу с горячей водой. Максимов велел ей удалиться. Оставшись с графом наедине, вполголоса спросил:

– Господин Ингерас, как я могу добраться до города?

– До города? – Граф удивился. – До какого города?

– До ближайшего. Должен же быть рядом какой-то город...

– Хм... А зачем он вам?

Максимов притворно смутился.

– Понимаете... Моя супруга просила кое-что купить для нее.

– Что именно?

– Например, зубной порошок...

– Он есть в замке.

– У вас с мятой, а она предпочитает коричный. Кроме того, ей нужно пополнить запас духов, туалетной воды, пудры...

– Составьте точный список. Йонуц все закупит и передаст вам.

Граф говорил короткими рублеными фразами, недвусмысленно подчеркивал, что ему некогда и пустопорожнее суесловие отрывает его от важных дел.

– У вас все? – Граф повернулся, чтобы уйти.

Максимов прикинул: они проговорили не более трех минут – гораздо меньше, чем просила Анита. Если Ингерас застигнет ее в своем кабинете, будет неприятно.

– Нет... погодите. – Максимов положил графу руку на плечо; тот содрогнулся и отпрянул, будто ключицу ему обжег раскаленный металл. – Скажите правду: вы не хотите, чтобы я покидал замок? Даже на несколько часов...

– С чего вы взяли? – набычился граф, но немедленно взял себя в руки, заговорил сдержанно: – Вам мало вашего прошлого лесного злоключения? Я беспокоюсь о вас.

– Йонуц мог бы сопровождать меня. С ним я не заблужусь.

– Там, куда он ездит, и так ходит достаточно сплетен обо мне и моем замке. Если его увидят в обществе незнакомого человека, возникнут новые пересуды. Я бы этого не желал. Это ни в моих интересах, ни в ваших...

Пока Максимов тянул время, ведя с графом бесполезный диспут, Анита осваивалась в заветном кабинете. Окна здесь были задвинуты тяжелыми портьерами, свет давала одинокая стеариновая свеча в богатом канделябре, украшенном смальтой. Пришлось немного повременить, чтобы глаза приспособились к полумраку.

В первые мгновения кабинет Аниту разочаровал. Типичная келья ученого затворника. Бюро из розового дерева с золочеными бронзовыми накладками, выдвигаемые ящики для бумаг заперты, к ним не подошел даже хитрый ключ Алекса. Два виндзорских стула с простыми точеными ножками и прямыми спинками, набранными из тонких прутьев. Два кресла с парчовой обивкой и толстенными ножками. Два стоящих друг против друга книжных шкапа – просторных, каждый во всю стену. На одном из них громоздился бюст философа Гермеса Трисмегиста.

Анита присмотрелась к книгам, теснившимся на полках. Там были большей частью труды по истории человечества и медицинские трактаты. Анатомические очерки Уильяма Гарвея, работы Везалия, Шлегеля, Хейлза, Эйлера соседствовали с сочинениями Геродота, Иосифа Флавия, Полибия, Фукидида, Страбона, Тацита, Тита Ливия, Плутарха... Особенное внимание хозяина

кабинета привлекали события, происходившие во втором тысячелетии до Рождества Христова, более поздними хрониками он интересовался мало. Среди прочей литературы Анита обнаружила пять или шесть изданий Библии на разных языках, а также множественные рефераты виднейших богословов. Это подтверждало слова графа о том, что религия для него – не пустой звук. Божественные промыслы занимали его в такой же степени, как историография и врачебное дело.

Почти все книги в шкапах были потрепаны, иные зачитаны до дыр, испещрены бесчисленными пометками, каковые являли собой разновидность скорописи, неизвестной Аните. Можно было с уверенностью сказать, что эти тома стоят здесь совсем не красоты ради – хозяин пользуется ими весьма активно.

Закончив осмотр бюро и книжных полок, Анита подошла к небольшому сосновому серванту, стоящему сбоку от двери. За стеклянной дверцей она заметила бутылочку, очень похожую на ту, в которую граф Ингерас сливал кровь, взятую у ирландца О'Рейли. Возле бутылочки стоял обычный винный бокал. Анита открыла дверцу, вынула оба предмета. Бутылочка была пуста, но на дне ее виднелись засохшие темные капли. Точно такие же капли Анита разглядела и на дне бокала.

Она замерла перед сервантом, держа в руках две стеклянные емкости, как вдруг с лестницы донесся звук торопливых шагов. Анита нарочно оставила дверь приоткрытой, чтобы уловить любой шорох. Сомнений не было: это поднимался граф! Алекс сумел задержать его минут на десять, не более того.

Анита с проворством циркачки вернула бокал и бутылочку на место, закрыла сервант. Мысль о бегстве пришлось оставить – шаги графа становились все отчетливее, он был уже близко и непременно увидел бы ее, высунься она из кабинета. Тогда Анита, не теряя рассудительности, заперла дверь изнутри гвоздем-спиралькой, нырнула за оконную портьеру и затаилась там.

Вошел граф, Анита видела его через щелку в занавесах. Мысленно похвалила себя за то, что надела именно амазонку: одежда плотно облегалась телу, не создавала дополнительного объема и в ней несложно было затеряться среди крупных портьерных сборок.

Теперь молиться, чтобы граф не задержался в своей келье надолго. Иначе скоро ноги затекут, спина одеревенеет и стоять в неподвижной позе будет невыносимо.

Ингерас был чем-то раздражен. Анита подумала: это из-за Алекса. Но граф вел себя как алкоголик, ищущий чего-нибудь выпить. Заглянул в сервант, извлек оттуда бокал и бутылочку, сердито посмотрел на засохшие капли. Будучи уверенным, что никто за ним не подсматривает, стащил с ладоней перчатки. Анита сощурилась, чтобы видеть лучше, и ее как будто пронзило током. Она поняла, отчего граф прячет свои руки. У него на пальцах не было ногтей – вместо них виднелось что-то сморщенное и как будто изъеденное ржой. Кисти были такими же мертвенно-бледными, как и лицо.

Однако еще больший ужас она испытала, когда Ингерас сдернул с подбородка шарф. Нет, сам подбородок оказался ничем не выдающимся, зато рот... Губы графа напоминали две тонкие ниточки, они не смыкались, а из-за них выпирали красные десны и – кошмар! – самые натуральные клыки.

Анита чудом не потеряла сознания, импульсивно схватилась рукой за портьеру. Хорошо, что граф ничего не заметил – его заботило нечто другое. Он взял стоявший на бюро графин, плеснул воды сначала в бутылочку, затем в бокал, взболтал получившуюся светло-коралловую жидкость, жадно выпил, но это его не успокоило. Он быстро обмотал шарфом лицо, натянул перчатки, потом вытащил откуда-то крошечный ключик, открыл им нижний ящик бюро, достал оттуда миску, ланцет, несколько льняных лоскутков и со всем этим спешно вышел из кабинета, даже не позаботясь запереть за собой дверь, чего с ним прежде не случалось.

Анита, шатаясь от только что перенесенного душевного потрясения, вышла из-за портьеры. Колени ее тряслись, и она прислонилась к стене, чтобы не рухнуть на пол.

Глава третья. Потомок Кровавого Влада

Максимов не верит. – Кипяток, маковые зерна, роза с шипами и много чего еще. –
Сцена в комнате китайца. – Анита предлагает новый план. – «Многоуважаемый

Александр Осипович!» – Путешествие под сиденьем. – Два удара колуном. – Допрос трактирщика. – Чернокожий утопленник. – Прелести обнаженной наяды. – Ответственное поручение вкупе с пятью золотыми монетами. – Анита производит разведку – Старинная крипта. – Предки графа Ингераса. – Пропавший найден. – Под крышкой саркофага. – Поединок вслепую. – Поговорим начистоту!

Сколько-то времени спустя, позабыв об оставленном на вышке мантио, Анита кое-как доковыляла до своей комнаты и упала в объятия Максимова. Выслушав ее сбивчивый рассказ, он поначалу выразил сомнение в его достоверности.

– Граф Ингерас – вампир? Пьет человеческую кровь? Брось, Нелли, ты что, веришь во все эти байки про вурдалаков?

– В байки не верю, – ответила Анита, понемногу обретая спокойствие, – но в то, что видела своими глазами, – да.

– Это все от расстроенных нервов. Во время болезни ты бредила, у тебя были галлюцинации, вот и сейчас какие-то остаточные явления. В кабинете, ты сама говоришь, было темно, тебе и привиделось...

– Привиделось? – взвилась Анита, заговорила горячо и яростно: – Он стоял от меня в пяти шагах! Я держала в руках бутылку и бокал, я видела пятна на них... я знаю, что это такое!

– Может быть, вино?

– Нет! Именно в эту бутылку граф переливал кровь из миски... кровь О'Рейли... Куда он пошел сейчас? Ты знаешь?

– Нет.

– А я догадываюсь! Он пошел за новой порцией. К кому-нибудь из тех, кто живет в замке...

– Я видела! – ввернула побелевшая Вероника. – Он шел по коридору, с миской, с тряпицами – все как вы обсказали... А из глаз чуть не искры пыхали!

– Не ври! – осадил ее Максимов, но она запротестовала:

– Вот вам крест, Лексей Петрович! Он к китайцу пошел, сами можете поглядеть.

– И погляжу! – Максимов, уверенный, что над ним подшучивают, встал со стула.

– Не ходи туда, Алекс! – взмолилась Анита.

Он упрямо вскинул голову:

– Пойду! И если все это выдумки...

Не досказав, он вышел в коридор. Анита с Вероникой остались одни, вздрагивали от любого звука.

– Мне мамка рассказывала, – начала Вероника жарким шепотом, поглядывая то на дверь, то на окна. – У них в деревне был один такой. Сперва помер, а после из могилы вылез и ходил ночами кровушку сосать. Жену свою до капли выпил, потом детишек, а там уже и за прочую родню принялся...

– И что, всю деревню извел?

– Не успел. Мужики на сходке порешили облаву на него устроить. Изловили, отрубили голову, сунули ему в рот камень, сердце из груди вырезали и в пепел обратили. Потом заколотили его в осиновый гроб, через крышку пулей серебряной прострелили, а когда закопали в землю, воткнули сверху кол и могилу кипятком облили, чтоб не смел больше вылезать...

– Надо же, какие сложности!

– С ними... с упырями то есть... иначе нельзя. Старики в деревне умные были, научили, что да как делать. Ему надо еще жилы под коленками перерезать, а на гробовую крышку маковых зерен насыпать... побольше...

– А это зачем?

– Чтоб он их по ночам считал. Поверье есть: покуда он все маковые зерна не сочтет, из могилы ему не встать.

Пустомелье Вероники произвело на Аниту благотворное действие. Страх мало-помалу стал уходить, она даже застыдилась того, что смогла поверить во все эти басни.

Вероника подметила полуулыбку, появившуюся на устах барыни. Нахохлилась.

– Зря вы, Анна Сергевна. Я истинную правду говорю!

– Так ты считаешь, что граф Ингерас тоже умер, а потом воскрес?

– А то как! Вы разве сами не подмечали, какой он? В чашобе живет, слуги у него – сплошная нечисть. Свету солнечного лякается, рожа белая, что твоя известка. И чесноку в рот не берет! Я у кухарки... у страхолюдины этой... спрашивала третьего дня: отчего это в замке ни разу чеснока к столу не подавали. Она промычала чегой-то, прикинулась, будто не понимает.

– Может, и правда не поняла?

– Я уж ей и на пальцах показала... Нет! Она и знать не знает, что это такое. Не держат здесь чеснок. А это, чтоб вы знали, от вампиров вернейшее средство. Еще боярышник можно у дверей положить, розу дикую с шипами или чертополоха пучок... да где их возьмешь среди зимы-то?

Вероника еще долго развивала бы тему защиты от кровопийцы, но тут возвратился Максимов. Он был серьезен и хмур.

– Ну как? – подступила к нему Анита. – Что видел?

– Видел графа, – ответил он без энтузиазма. – В самом деле у китайца. Нацедил у того крови в миску да прямо через край и выпил...

– Всю?! – ахнула Вероника.

– Всю. И знаете... он как пьяница был, который без водки на стенку лезет, а когда шкалик опорожнит, сразу доволен и счастлив.

– Что я говорила! – торжествующе воскликнула Вероника. – Упырь, он и есть упырь. Ему без чужой крови нипочем не прожить.

– А что китаец? – допытывалась Анита.

– Ничего. Сидел, трубку курил. Такое впечатление, что для него это дело привычное.

– Мне кажется, что все жители замка делятся с графом своей кровью. Это их своеобразная плата за то, что он приютил их у себя и содержит.

– Теперь понятно, зачем мы ему понадобились, – не желала угомониться Вероника. – Этими он уже накушался, на свежатину потянуло. Обождет немного и за нас примется. Помяните мое слово, высосет до капельки!

Анита схватила с кровати подушку и швырнула ее в горничную.

– Вероника, перестань!

Но Максимов возмущения супруги не разделял. Убедившись, что граф действительно не прочь отведать крови, он перестал быть скептиком и принялся отстаивать совсем другие позиции:

– А если она права? Зачем еще мы могли бы ему понадобиться?

– Алекс, и ты туда же? Вспомни: граф ни разу не обращался к нам ни с чем подобным. И у него довольно людей, чтобы не испытывать недостатка в этом... гм... деликатесе.

– Значит, по-твоему, мы должны сидеть спокойно? Лично я после сегодняшнего бежал бы отсюда куда глаза глядят...

– С каких это пор ты стал таким пугливым?

– Я не пугливый. Просто я всю жизнь имел дело с людьми, а не со сверхъестественными силами.

– Я уверена, что ничего сверхъестественного в графе нет. Всему должно быть земное объяснение.

– И ты хочешь его найти?

– Непременно. Я уже все решила.

Традиционно в таких случаях Максимов прикусывал язык и шел на попятный. Но только не сегодня и не здесь, в вампирском чертоге. Он со всей твердостью сказал, что на сей раз ни в каких расследованиях Аниты принимать участия не будет, а займется поиском способа, с помощью которого можно покинуть это чертово гнездо. Вероника с тревогой следила за развернувшейся полемикой.

Кончилось тем, что Анита предложила компромисс:

– Я составлю для Йонуца список того, что мне необходимо. Подозрений это не вызовет. Попрошу привезти поскорее. Значит, завтра-послезавтра Йонуц отправится за покупками. Ты поедешь с ним и выведаешь дорогу из замка.

– Так он и взял меня с собой!

– Он ни о чем не будет знать. Ни он, ни граф.

– Это как же?

– В замке, насколько я поняла, две повозки: графская карета и телега, на которой Йонуц ездит за продуктами. Но завтра у него нет резона брать телегу: поклажи будет немного, а карета куда более легкая и ходкая. Скорее всего, именно на ней он и поедет.

– И что?

– Я знаю этот тип карет. Там под сиденьями есть пустое пространство. По сути, ларь, и он просторный. Ты залезешь туда заранее, еще до того, как Йонуц выкатит карету во двор.

План был сопряжен с известным риском, но Максимов согласился. Он готов был на что угодно, лишь бы не сидеть сложа руки.

В тот вечер не спали допоздна, проговаривали детали предстоящей авантюры. Анита предложила написать письмо на имя генерал-лейтенанта Дюгамеля, комиссара России в Валахии и Молдове, фактического правителя этого края. Максимов нашел предложение разумным и немедля набросал текст:

«Многоуважаемый Александр Осипович! Трое подданных Российской империи находятся в замке графа Ингераса на территории Трансильвании. Обстоятельства нашего пребывания здесь заставляют предположить, что мы не столько гости графа, сколько его узники, однако нет оснований утверждать это с полной ответственностью. Просим ваше превосходительство изыскать возможность связаться с нами через какое-либо официальное лицо». Ниже следовали подписи Аниты и Максимова с указанием титулов и точного адреса в России.

Максимов заклеил послание в конверт и надписал имя получателя в двух вариантах: кириллицей и латиницей. Готовое письмо положил в карман своего пиджака.

– Постараюсь передать это с кем-нибудь из местных. Надеюсь, польстятся на деньги...

Ближе к утру Аниту охватило волнение. План, казавшийся таким простым, вдруг стал вызывать у нее сомнения. Это все потому, что она очень беспокоилась за Алекса.

– А вдруг этому Квазимодо вздумается поднять сиденье и он тебя обнаружит?

– Тогда я его застрелю, – сказал Максимов и показал заполненный патронами «Патерсон».

Лишнего он с собой не брал: только оружие, кошелек с деньгами, письмо, ломоть хлеба и фляжку с вином, изрядно разведенным водой. Последнее было сделано по инициативе Аниты. Объяснила она так: «Пьяным не будешь, от жажды не умрешь, но и от скуки тоже».

Перед тем как рассвело, Максимов прокрался к сараю, пристроенному с южной стороны замка, отпер ворота хитрым ключом, залез в карету и спрятался под скамейку. Он тоже знал этот тип карет и не сомневался, что места под сиденьями хватит для одного человека. Правда, внутри этого вместилища, рассчитанного, конечно же, не на пассажиров, скопилось немалое количество пыли, и самой сложной задачей оказалось – не расчихаться и не раскашляться.

Максимов пролежал так два или три часа, прежде чем наконец изволил явиться горбун. В карету он не заглянул, но Максимов почувствовал, как пол плавно качнулся, а вскоре послышался цокот копыт. Карету поводило туда-сюда – это Йонуц впрягал в нее лошадей, и вот она тронулась в путь по присыпанной снегом тропе.

Максимов сгорал от нетерпения. Он положил себе выждать не менее часа, но уже минут через пять после отъезда его терпение лопнуло. Он приподнял сиденье над собой, осмотрелся. В карете не было никого, Йонуц сидел на козлах, и его можно было не опасаться. Максимов выбрался из своего убежища и прильнул к оконцу.

К его вящему разочарованию, зрелище было однообразное. Заснеженные деревья, над ними хмурое бессолнечное небо – и все. В довершение ко всему началась пурга, видимость оказалась ниже средней, весь обзор застилала мельтешащая белесая пелена. Карета петляла меж елей, берез и дубов, то скатывалась в низины, то взбиралась на пригорки. Максимов тщетно выискивал глазами какие-нибудь ориентиры, которые позволили бы запомнить местность, – их не было. И когда карета после трехчасового пути подъехала к жилым домам, он вынужден был признаться самому себе, что без помощи Йонуца обратной дороги не найдет. Это означало, что придется снова залезать в ларь. Но прежде требовалось осмотреться.

Когда карета остановилась, Максимов поднял сиденье, готовый в любой момент прыгнуть в свой коробок, как дрессированный заяц в цилиндр иллюзиониста. Однако Йонуцу не пришло в голову открыть дверцу (да и зачем бы он стал это делать?). Повозка мягко колыхнулась – это горбун спрыгнул с козел. Затем

послышалось поскрипывание снега под ногами, и все стихло. Максимов беззвучно опустил сиденье, выглянул в окно и испытал еще одно разочарование. Они приехали в ту самую деревушку, где минувшей осенью встретились с графом Ингерасом. А Максимов рассчитывал, что мудреные заказы Аниты заставят Йонуца отправиться в город...

Что ж, полагалось довольствоваться тем, что есть. Он, не теряя времени, вышел из кареты и бегло огляделся. Рядом находилась низенькая постройка с вывеской, говорившей о том, что здесь располагается мелочная лавка. Максимов хмыкнул. Если Йонуц полагает, что в этом убогом магазинчике можно купить настоящие французские духи и бельгийскую пудру, то он сильно заблуждается.

Йонуца, кстати, видно не было – очевидно, он вошел в лавку и толковал с продавцом. Максимов прикинул: разговор займет не более четверти часа. Других лавок в деревне нет, то есть велика вероятность, что горбун, выйдя отсюда, сразу уедет. Домой или в другой населенный пункт – большой вопрос. Так или иначе, нельзя исключать, что иной возможности передать письмо для Дюгамеля не представится. Отсюда вывод: зевать некогда, времени в обрез.

Улица была пустынна – захолустная деревенька и так не отличалась многолюдьем, а тут еще метельная погода загнала людей в дома. Всюду топились печи, над крышами ветер трепал охвостья дыма, пахло жженым деревом. Максимов увидел возле ближайшего двора запорошенную поленницу, а подле нее – тяжелый колун. В голову пришла блестящая идея. Подхватив колун, он подошел к карете сзади и с силой саданул по колесной оси. Раз, другой... Третьего удара не понадобилось – ось треснула, и карета просела. За воем метели никто ничего не услышал, даже лошади стояли смирно, лишь чуть прядали ушами.

Теперь Йонуц застрянет в деревне не на один час. Пока найдет мастера, пока тот починит ось... За это время можно успеть сделать все дела.

Вернув колун на место и подняв ворот, чтобы крупные хлопья снега не залепляли уши, Максимов пошел по улочке к знакомому трактиру.

Жуликоватый румын (так с недавних пор стали гордо именовать себя и валахи, и молдаване, и прочие жители дунайских княжеств) изумился, увидев перед собой русского, который съехал от него с полумертвой женой в конце прошлого года.

Еще большее изумление вызвало у него известие о том, что и жена выжила, и обитает супружеская пара не так далеко отсюда – в замке графа Ингераса.

– А что ты варезку раззявил? – спросил Максимов. – Ты же видел, как мы уезжали с графом. Он пригласил нас в гости.

– Гашпадин ражве не жнай, что гошти графа Рэу никогда не приехай обратно? – выпалил румын и умолк, испугавшись, не сболтнул ли лишнего.

– Как это «не приехай обратно»? Они что, все остаются в замке?

– Мой не жнай... Гашпадин не должен больше спрашивать...

Максимов вынул из кармана револьвер, приставил дуло ко лбу трактирщика и положил палец на спусковой крючок.

– А ну-ка, милейший, давай поподробнее! И смотри у меня, я шутить не люблю.

Это подействовало, румын разговорился. Он рассказал, что замок в глубине леса был возведен много веков назад по заказу тогдашних господарей Валахии. То были люди из знаменитого рода Дракулешти, которые, в особенности Влад Цепеш, как гласят легенды, не гнушались отведать человеческой крови. Надо ли говорить, что местные обыватели обходили замок за десятки верст, а лес, в коем он стоял, приобрел дурную славу. Постепенно все селения вокруг опустели, и лес разросся.

Шли годы, менялись правители. Род Дракулешти уже два столетия как сошел с политической арены, его представители рассеялись по свету. Сооружение, получившее в народе название «замок Кровавого Влада», долгое время стояло заброшенным. Но в позапрошлом году откуда-то прибыл человек, назвавшийся графом Ингерасом. Он объявил себя потомком древнего рода и законным владельцем замка. Ему никто не перечил – по словам трактирщика, не нашлось еще такого дурня, который посягнул бы на проклятый замок. Граф поселился там, кое-что обновил и с тех пор живет, изредка выезжая за пределы своих владений.

Уж лучше бы не выезжал! За ним тянется шлейф самых диких сплетен. Будто собрал он у себя под крышей чудищ непотребных и чинит с ними деяния богомерзкие. Будто сотворяет в своем вертепе обряды колдовские и чаёт призвать на землю приспешников дьявольских, дабы все племя людское обречь на вечные муки...

- Пстой, пстой! – прервал Максимов разошедшегося румына. – А на деле что-нибудь дурное за графом замечали?

- Э! – Трактирщик с укоризной поцокал языком. – Жря гашпадин не верит...
Прошлым летом Мирча ш Николай в леш ходити дров набрать. Жаплутали мало, к болоту вышли. А там иж торфа рука торчит. Лето палкое было, шушь, болото вышло. Копнули, а там – мурин...

- Кто это – мурин?

- Арап по-вашему. Шерный-шерный, как шмола! И голый шовшем! А крови в нем – ни капли! Граф Рэу выпил...

- Погоди, – вторично остановил собеседника Максимов. – Что ты имеешь в виду?

- Вешь шухой, ни кровинки... Штригой выпил. Вырколак.

- Вурдалак?

- Так! Вурдалак... Теперь гашпадин верит?

- А откуда ты знаешь, что это граф виноват?

- Кто ж еще? Других штригоев у наш нет. Шо времен Цепеша не шлыхать было. А как граф объявишься, так и началошь...

- И что же сделали эти твои Мирча с Николай? В полицию донесли?

- Шпугалишь. Полиция – где она? До нее далеко, а граф – он тут, близко. Ешли прожнает, худо будет. Вшю деревню вышошет, никого не пожалеет...

Больше ничего от румына добиться не удалось. Конкретных фактов, подтверждающих преступления Ингераса, не было, все сводилось к домыслам и пересудам. Даже относительно мертвого арапа возникали серьезные сомнения. Откуда в трансильванских болотах взяться чернокожему? Максимов считал, что двое мужиков перебрали сливки и история с обескровленным трупом им попросту померещилась.

Часы в трактире пробили три. Максимов решил, что пора сворачивать разговор. Йонуц может оказаться сноровистым и исправить повреждения быстро. А отстать от кареты – значит, отрезать себе путь назад, в замок.

Правда, трактирщик сказал, что в деревне остался один старик, который когда-то промышлял ловом лисиц и зайцев. Он в своих походах раза четыре наткнулся на замок Кровавого Влада и утверждает, что помнит к нему дорогу. Но старик уже полгода как не встает с лежанки, да и зарекся после одного происшествия заглядывать в те места.

Происшествие заключалось в следующем. В начале осени старик по обыкновению отправился браконьерствовать и набрел в очередной раз на замок. Тянуло его туда по той простой причине, что в окрестностях замка водилось много непуганой дичи. Старик не был подвержен народным суевериям, над рассказами о стригоях и вырколаках только посмеивался. Ни разу поблизости от замка он не видел ничего пугающего. Но в тот раз очам его предстала поразительная картина. Из замка вышла необыкновенной красоты девушка – белокурая, с густыми шелковистыми волосами, спускавшимися ниже пояса. Она подошла к пруду неподалеку от замка, скинула одежды и, совершенно обнаженная, принялась плескаться в воде. При этом пела что-то веселое и вместе с тем обворожительное. Слова песни для старика были полной тарабарщиной, разобрал лишь что-то похожее на русское «три», а также на «блинд» (что бы оно ни означало) и «фермерз», что было сродни слову «фермер», слышанному им от проезжих иноземцев.

Старик не вытерпел, высунулся из кустов, девушка его заметила, но не испугалась и не рассердилась – погрозила ему шутливо пальцем, рассмеялась звонким смехом и продолжала купаться.

Старик не помнил, как добрался до дому. Об охоте он больше не помышлял. Видение прекрасной наяды так подействовало на него, что он три ночи не спал, нес какую-то околесицу, а после уже не вставал. К нему приглашали знахарку,

та пошептала заговоры, всучила болящему побрякушку-оберег, но предупредила: наведенная на него порча настолько сильна, что никакие заклинания и талисманы уже не помогут. Старик не стал возражать и теперь покорно ждет смерти.

Максимову надоело слушать сказки. Он велел румыну заткнуться и показал ему запечатанный конверт:

- Это письмо надо доставить в Бухарест и передать русскому комиссару. Сможешь?

Трактирщик сразу скис.

- Это шложно, гашпадин. До Бухарешта ехай долго, дорога плохой, конь уштавай шибко...

Максимов присовокупил к конверту пять золотых монет.

- А если так?

Выражение лица трактирщика переменилось.

- Ешли гашпадин добавит еще три...

- Вот тебе. - Максимов поднес к носу вымогателя туго свернутый кукиш. - Если выполнишь все как надо, тот, кому передашь письмо, заплатит еще. Если обманешь, пеняй на себя! Я здесь, поблизости. Вернусь и спалю твою харчевню так, что головешек не останется.

Трактирщик и без того чувствовал себя неуютно в компании человека, который признался, что уже два месяца живет под кровом графа Ингераса-Рэу. Для жителей деревеньки возвращение из замка было сродни визиту с того света, и как знать - не оживший ли мертвец перед тобой? А если вдобавок ему покровительствует сам граф (который, может, для того и выпустил его из своих застенков, чтобы сеять зло), то уж точно жди беды. Посему румын подобострастно закивал, спрятал письмо и деньги в полотняную торбочку с застежкой.

– Гляди, не мешкай! – предупредил Максимов. – Станешь волынку тянуть, себе же хуже сделаешь.

– Я тороплюсь, гашпадин! – прошамкал трактирщик, напяливая на себя длинный, до щиколоток, овчинный кожух и пристраивая торбочку под полой. – Вше будет шделано!

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/ruzh_aleksandr/izumrudnaya-skrizhal

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)